

Талъцы • 1(17) • 2003

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
•АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ•
•ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ•

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

В.Г. Распутин. На роду написано	3
С.А. Гурулёв. Первые иркутяне	5
Л.П. Каминская. Родовое гнездо	26
М.Р. Новосёлова. Айсберг моей родословной	35
Ю.П. Лыхин. Приоткрывающиеся поколения	51

МЕТОДИКА

В.В. Колпаков. Мой опыт составления родословной	75
У НАС В ГОСТИХ	

Н.С. Струк. Жизнь усадьбы почетного гражданина Иркутска	81
КОНФЕРЕНЦИИ	88

КНИГИ

Л.А. Казанцева. «Гордиться славою своих предков...»	91
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ	

А.В. Преловский. Сказ про Ваню Попа и его родову	98
НА ДОСУГЕ	

Русские пословицы о семье, родне, роде, племени	103
--	-----

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы».

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редакторы-составители номера: Ю.П. Лыхин, С.А. Гурулёв

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: А.В. Горбунова

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Данный номер журнала подготовлен при участии Иркутской городской общественной организации «Родословие».

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, E-mail: talci@irk.ru

На обложке:

- С. 1 — Дом для гостей в усадьбе В.П. Сукачева, Иркутск, 2003 г.
Фото В. Тихонова.
- С. 2 — Владимир Платонович Сукачев. Начало XX в.
- С. 3 — Первая выставка в гостевом доме усадьбы В.П. Сукачева, 2002 г. Фото С. Мурзина.
- Личные вещи В.П. и Н.В. Сукачевых, 2002 г. Фото С. Мурзина.
- С. 4 — Окно служебного помещения в усадьбе В.П. Сукачева, Иркутск, 2003 г. Фото В. Тихонова.

Подписано в печать 21.10.03. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5,78. Тираж 1000 экз. Заказ № 4022. Цена свободная.

Отпечатано в Изд-ве «Макаров»

© АЭМ «Тальцы», 2003

НА РОДУ НАПИСАНО

*Валентин Григорьевич Распутин,
писатель, член общества «Родословие»,
г. Иркутск*

Из небытия, из ночи ненадолго приходит человек в день, зовущийся его жизнью, и опять опускается во тьму... Как это мало, и грубо, и несправедливо — если бы это в действительности происходило так. Слепая стихия безотчетно выталкивает из бездны и она же в свой черед поглощает обратно, в царство теней, и как не знал человек своей связности дальше бабушки с дедушкой, так и не дальше внуков продолжится память о нем в последующем. Не более полувека.

Сейчас это кажется почти неправдоподобным, чем-то дикарским, недочеловеческим, но ведь еще совсем недавно с таким мироощущением, обрубленным спереди и сзади, с неразвитой, забитой в тесные колодки, памятью, с близорукими глазами жили миллионы и миллионы, существовавшие главным образом только физически, от входного порога до выходного, без души, без Бога, без нужды в предках. Да и сейчас живут в тех же «размерах» — меньше их, ничуть не изменившихся, но все еще много. А отсюда и соответствующая нравственность, уровень духовной глубины и все то, что составляет человеческую качественность. Не знающий рода своего, не знает и себя, находится как бы не в себе, а подле себя, не ощущает, какое богатство генетических частиц вложено в него разными поколениями, с каким тщанием лепился в течение столетий его образ, с каких земных широт делались заклады. Каждый человек, независимо от его происхождения, рождается в величии уже одного этого таинственного многовекового хода предков к нему, становящемуся в эту пору как бы главной целью рода, подношения ему многочисленных своих даров, в том числе бессмертия в роде. А уж осознать в полную меру это величие и бесценное наследство, преобразить их в высоту и значение собственной жизни — это уж забота живущих. Но одно дело знать, насколько ты богат прошлым, какие подвиги свершались твоей фамилией и какие труды вложила она в российскую державность, или не знать ничего, явиться из «ниотку-

да», без благословения, «воровски» — как многое, бессомненно, зависит от этого в личной судьбе.

Удивительно и еще одно. Очевидно, в прежние, памятные, времена это чувствовалось постоянно, присутствовало живой клеткой у большинства, мы же, только-только возвращающиеся к своим истокам, невольно глядим на это «извлечение» из родового корня как на откровение. Оно заключается в том, что чем дальше проникаем мы в родословную и чем больше поражаемся ее широкохватности, тем очевидней становится, что все мы в народе нашем, населяющем Россию, ближе и родственней, чем можно было бы предполагать. Это как на вольном лугу, полном цветов, корни которых в земле тесно переплелись. Вспомним пушкинский род: уже после смерти поэта он сошелся и с родом фельдмаршала Кутузова, и с потомками романовской династии, и с крестьянскими детьми. Чадолюбивый род графа Л.Н. Толстого после революции рассеялся едва не по всем материкам планеты и не оставил Россию, по-прежнему кустясь густо и полезно. В наших сибирских краях первопроходцы Русского Севера родились с коренными народами, затем сливались с сосланной сюда повстанческой польской кровью, смиряя ее и укрепляя во служение России, впоследствии хмеля в этот «коктейль» добавлено было еще и порывистостью сотен и сотен тысяч комсомольцев-добровольцев со всех концов необъятной страны. Неинтересных родословных не бывает; среди материалов этого номера есть и очерк Ю. Лыхина — о своих крестьянских ленских корнях. Написанный с любовью и страстью (а иначе и быть не могло: кто отдается этому занятию, тот превращается в поисковика-фанатика, близкого к обнаружению бесценного родового «месторождения») — и читается это бесхитростное крестьянское повествование с не меньшим азартом, чем сага из рыцарских времен. У каждого из нас, не потерявших чувствительность к родне и родству, существует, должно быть, некий орган, жаждо внимающий не только своему, но и всякому семейному преданию, ибо при каждой такой встрече снова и снова является доказательство нашего бессмертия в роде, а в более широком смысле и в народе. Взаимосвязь тут безоговорочная, на нее указывает и язык: порода — родительство — родина — народ; отчество — отчество — отчизна... И потому частное, казалось бы, извлечение рода из небытия и небрежения истории превращается в весомый вклад в отечественную историю. У Родины, у Отечества покойников не бывает. По собственному опыту мы знаем, что нет ничего губительнее и для семьи, и для страны, чем разорванная связь времен и связь поколений.

ПЕРВЫЕ ИРКУТЯНЕ

Станислав Андреевич Гурулёв,
председатель правления
общества «Родословие», г. Иркутск

В 1661 году русский землепроходец Яков Иванович Похабов по заданию воеводы Енисейска поставил острог на правом берегу Ангары против устья Иркута. В отряде Я.И. Похабова насчитывалось 100 человек. Срубленный острог был назван Яндашским (2, 5), по имени бурятского князца Яндаша Заянды Дороги, но с 1662 года за острогом прочно закрепилось название Иркутский, по названию реки Иркут, левого притока Ангары. Наи первейшими населенными пунктами, жителями острога и с 1686 года города Иркутска надо признать Я.И. Похабова и всех казаков его отряда. Все они были выходцами из Енисейска.

Выгодное географо-экономическое положение Иркутска (на судоходной Ангаре, вблизи Байкала, открывающего водные пути «за море», в Забайкалье, на Амур) вскоре сделало Иркутск важным центром колонизационного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока. Постепенно росло население города. Вокруг острога стали создаваться посады ремесленных и служилых людей, земли осваивались пашеными крестьянами. В 1673 году в Иркутском остроге было 25 казаков, а в 1681 году — 44 казака и 27 посадских людей, селившихся возле острога (1). В 1699 году Иркутск насчитывал до 1000 жителей. Это были в основном служилые люди (2 дворянина, 13 детей боярских, 5 подьячих приказной избы, 409 конных и пеших казаков с десятниками и пятидесятниками, 50 служилых людей, присланных «на вечное житье» из Сургута, Туринска, Верхотурья и Берёзова), посадских числилось 110 человек (5).

К первым жителям Иркутска мы причисляем всех служилых людей Иркутского острога и посадских, селившихся вокруг острога, в период с 1661 по 1700 год, то есть в хронологических рамках XVII века.

Именник первых жителей Иркутска, приводимый ниже, включает сведения об иркутянинах, начиная с его фамилии, имени и отчества (последнее было далеко не у всех). Фамилии и имена приводятся в написании, приближенном к современному. Варианты фамилий, употреблявшиеся в документах XVII века, даются

в скобках. В тех случаях, когда имя человека, приводимое в документах, не поддается расшифровке, оно сохраняется в том виде, как его трактует документ (например, Иевко, Лишко, Гашко, Зотка, Омилка, Юшка).

При каждом персонаже именника первоожителей Иркутска приводятся известные сведения о его служилом (служебном) положении, участии данного человека в событиях, совершившихся как в Иркутске, так и вообще в Сибири.

Простое сравнение фамилий первых иркутян с фамилиями современными показывает, что подавляющее большинство фамилий сохранилось в городе и поныне. Это позволяет надеяться, что современные иркутяне могут найти в первоожителях Иркутска не только однофамильцев, но и своих далеких предков. Именно в этом автор видит главное значение публикуемого именника, не говоря уже о значении его для истории города, зарождения культурных основ и т. п.

Итак, дорогой читатель, перед вами именник первоожителей Иркутска периода 1661–1700 годов. Список основан исключительно на опубликованных литературных источниках, по мере изучения и введения в научный оборот новых, особенно архивных, материалов он будет, конечно, пополняться и уточняться.

Алексеев Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Алексеев Петр, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Андреев Петр, дворовый человек иркутского сына боярского Ивана Максимовича Перфильева, упомянут в 1688 г. (17).

Андреев Федор, служилый человек, рядовой казак, в 1688 г. назначался в караул на Байкал в отряде десятника А. Колбецкого (17).

Аntonов Иевко, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Арсеньев Иван, шурин сына боярского Сидора Шестакова; в 1689 г. принял по наказу приказной избы, за отсутствием С. Шестакова, его беглого холопа Ивашику, — «взял и расписался» (17).

Астраханцов Михаил, служилый человек, рядовой казак, в 1688 г. назначался в караул на Байкал в отряде десятника А. Колбецкого, в том же году отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Афонасьев Архип, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Афонасьев Иван, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Барашков Дмитрий, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Барнешлев Андрей, руководитель строительства Иркутского острога в 1670 г. (2, 11).

Бебякин Василий, служилый человек, упомянут в 1700 г. (17).

Безрукый Геннадий (Ганка), служилый человек, упомянут в 1697 г. (17).

Бейтон Андрей, «дворянин московского списку», служилый человек, упомянут в 1695 г. (5).

Бейтон Афонасий, дворянин, упомянут в 1697 г. в связи с «бунтом заморских казаков» (17); был женат, первым мужем жены являлся Яков Евсеев (3); в чине казачьего головы «разорил» Албазинский острог в связи с условиями Нерчинского договора 1689 г. (8).

Бейтон Яков, «дворянин московского списку», служилый человек, брат Афонасия Бейтона (5).

Белобородов Иван, казак, упомянут в 1684, 1688–1689 гг. (17).

Бердников Емельян, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Бердоносов Сава, служилый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Бобров Никита Федорович, казак, упомянут в 1688 г. (17).

Бобровской Алексей Андреевич, торговый человек, участвовал в 1684 г. в приеме монгольских посланцев (17).

Богданов Григорий, казак, в 1690 г. служил приказчиком Тункинского острога (17).

Борисов Агафон, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Борода Сергей, служилый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Боярщина Дмитрий Иванович, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Брюхо Дмитрий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Брюхов Степан, служилый человек, упомянут в 1700 г. (17).

Бурдуков Исаи, служилый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Бурков Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Бутусин Гаврила, рядовой казак, упомянут в 1684 г. (15).

Бутусин Михаил, казачий десятник, участвовал в 1684 г. в приеме монгольских посланцев, сопровождал посланцев после

приема «до Монастырской деревни... с товарыщи десять человек» (17).

Бутусин Яков, рядовой казак, упомянут в 1684 г. (15).

Васильев Афонасий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Васильев Ерофей, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17). Помета, здесь и далее, говорит либо о выходцах из Большой Калитвы, расположенной на реке Калитва, притоке Северного Донца, что маловероятно, либо о принадлежности людей дворянскому роду Калитиных.

Васильев Иван, казак, в 1689 г. вместе с казаком Федором Короваевым был послан на судах с хлебными запасами и солью «из Ыркуцка за Байкал море и по Селенге до Удинска» (17).

Васильев Иван, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Васильев Парфен, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Васильев Сидор, подьячий, в 1684 г. участвовал в приеме монгольских посланцев (17).

Вачевский (Вачевской) Федор, подьячий, упомянут в 1684 г. (15).

Верхотур Алексей, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Верхотур Иван, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей (17).

Верхотур Федор, подьячий, упомянут в 1697 г. (3).

Ветряной Василий Меньшой, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Власов (Власьев) Иван Остафьевич (Евстафьевич), стольник, иркутский (и селенгинский) воевода, 1680–1683 гг. (5, 10, 17), позднее воевода Селенгинска и Нерчинска, заместитель полномочного посла Ф.А. Головина на переговорах в 1689 г. с Китаем (6, 13, 15, 16).

Волков Федор, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Выжигальщик Любим, ремесленник, упомянут в 1698 г. (5).

Гаврилов Емельян, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Гаврилов Семен, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Гагарин Иван Петрович, князь, иркутский воевода в 1691–1693 гг. (10, 17, 18).

Гагарин Матвей Петрович, князь, товарищ иркутского воеводы в 1691–1693 гг., брат И.П. Гагарина, позднее (1693–1695) воевода Нерчинска, с 1711 г. сибирский губернатор, в 1721 г. казнен за злоупотребления (10, 18).

Гарасимов Лев, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Герасимов Иван, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Горбов Максим, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Горчаков Алексей Львович, письменный голова в 1685 г. (6, 15, 16).

Григорьев Максим, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Григорьев Остафий, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей (17).

Давыдов Семен, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Демьянов Петр, сын боярский, упомянут в 1689 г. (16).

Дмитриев (Дмитреев) Иван, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Долгая Очередь Андрей, рядовой казак, упомянут в 1684 г. (15).

Долгой Василий, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Дулов Трифон, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Дураков Григорий, казак, в 1689 г. приводил в приказную избу беглого холопа Ивашку, принадлежащего сыну боярскому С. Шестакову; удостоверял показания собственноручной подписью (17).

Ездаков Василий, казачий десятник, первый приказчик Иркутского острога в 1661 г. (5).

Елисеев Еремей, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Емельянов Максим, служилый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Епифанов Михаил, конный казак, городовой толмач, участник переговоров с монголами в 1684, 1689, 1691 гг. (15–17).

Ермолин Данила, иркутский новоприборный человек, упомянут в 1697 г. (3).

Ерофеев Дмитрий, казак, упомянут в 1684 г. (15), в 1687 г. служил в Тункинском остроге (16).

Ерофеев Игнатий, приказчик гостя (купца) И. Ушакова, 1689–1697 гг. (3, 17).

Ерофеев Филат, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Жареников Степан, рядовой казак, в 1684–1688 гг. (15–17).

Захаров Григорий (Гренка), казак, упомянут в 1684 г. (17).

Злыгостев Иван, служилый человек, упомянут в 1700 г. (17).

Иванов Борис, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Иванов Давыд, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Иванов Иван, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Иванов Кузьма, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Иванов Лев, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Иванов Петр, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей (17).

Иванов Петр, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за

морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Иванов Степан, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Иванов Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Иванов Федор, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Иванов Яков, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей (17).

Иванович Фока (Фочка), конный казак, упомянут в 1691 г. (16).

Игнатьев Иван, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Иголка Иван, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Иконник Никита Варфоломеевич, казак, иконописец, 1675–1688 гг. (7, 17).

Иконников Федор Дорофеевич, иконописец, 1692–1693 гг. (7).

Исаков Иван, казак, в 1696 г. подавал в ссудную избу челобитную, в 1697 г. был убит на Бурдугузе во время «бунта заморских казаков» (3, 17).

Исаков Семен, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Исаков Яков, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Исленьев Герасим, ссыльный, жил в Иркутске с сыном, упомянут при описании событий в связи с «бунтом заморских казаков» в 1697 г. (17).

Калакаев Алексей, толмач, упомянут в 1684 г. (15).

Калинин Григорий, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Каменщиков Дмитрий, таможенный и заставный голова, упомянут в 1689 г. в связи с приемом монгольских посланцев, упоминается также в 1691, 1701 гг. (17).

Каргапол (Каргополец) Андрей, казак, 1684–1688 гг. (15, 17).

Каргопол Семен, подьячий, участвовал в 1684 г. в приеме монгольских посланцев (17).

Каргопол Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправ-

лен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Карпов Иван, служилый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Каховских Андрей, десятник, в 1691 г. писал доезд по просьбе иркутских конных казаков (17).

Кашин Борис, казачий сын, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Квасник Иван, ремесленник, упомянут в 1698 г. (5).

Квасов Иван, торговый человек, упомянут в 1684 г. (15, 17).

Кибирев Григорий Петрович, казак, десятник конных казаков, подъячий таможенной избы, толмач; в 1684 г. участвовал в приеме в Иркутске монгольских посланцев; возглавлял в 1691 г. миссию к монгольскому Бушухту-хану (13, 15–17).

Кирилов Симон, подрядчик, упомянут в 1697 г. (3).

Кирпичник Иван, печник, 1699–1700 гг. (7).

Кирпишник Иван, ремесленник, 1698 г. (5).

Кирпишников Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Кислянский Леонтий Константинович (ок. 1641 – после 1697 г.), иконописец, родился либо в Польше, либо в Дорогобуже, в 1678 г. произведен в дворяне по московскому списку, в 1683 г. после Енисейска назначен письменным головой в Иркутский острог, в 1685–1689 гг. жил в Енисейске и Москве, в 1689 г. — воевода Иркутска, участник переговоров с монголами, занимался поисками полезных минералов и руд, с 1692 г. жил в Москве, где получил имение (6, 7, 10, 13, 15–17).

Китков Василий, казачий десятник, имел свой посад (двор), упомянут в 1684 г. (17).

Кобун Иван, казак, упомянут в 1688 г. (16).

Кобур Иван, казак, упомянут в 1688 г. (17).

Кобыла (прозвище), служилый человек, упомянут в 1697 г. (17).

Кожевник Никита, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Козмин Долмат, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Козьмин Кирилл, казачий пятидесятник, упомянут в 1690 г. (16).

Колбецкий (Карбецкий, Колобецкий, Корбетцкий) Александр, казачий десятник, 1684–1689 гг. (15–17).

Колокольник Иван Тимофеевич, меднолитейщик, отливал пищали, упомянут в 1698 г. (1, 5, 7).

Колосов Никита, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Колотовин Филимон, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправ-

лен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Колпан Афанасий, промышленный человек, упомянут в 1684 г.(15).

Кондратьев Степан, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Конов Григорий, служилый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Кононов Григорий, казак, 1688–1689 гг. (16, 17).

Коноплев Гавриил, «знакомец» иркутского воеводы А. Савёлова, упомянут в 1696 г. (5, 17).

Константинов Ларион, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Константинов Степан, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Корнилов Евстафий, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Короваев Кирилл, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Короваев Павел, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Короваев Федор, казак, в 1684 г. упоминается как беломестный казак, служивший в Тункинском остроге, в 1689 г. иркутским казакам Ф. Короваеву и И. Васильеву было предписано идти на дощаниках с хлебными запасами и солью по Ангаре, Байкалу и Селенге до Удинска, запасов было — «сто пуд сухарей да... пятьдесят один пуд соли» (17).

Корцов Степан, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Котельник Семен, ремесленник, упомянут в 1698 г. (5).

Котков Василий, казачий десятник, упомянут в 1684 г. (15).

Котышев Юшко, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Краснояр Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Крисантьев Клим, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Крыженовский (Крыжановский) Юрий, сын боярский, 1689–1697 гг. (16,17).

Кудряков Евдоким, иркутский сын боярский, в 1688 г. приказчик Верхоленского острога (17).

Кузнец Евсевий, ремесленник, упомянут в 1698 г. (5).

Кузнецов Фома, казак, в 1697 г. был убит во время «бунта заморских казаков» (17).

Курдюков Александр, подьячий приказной избы, упомянут в 1690 г. (16).

Курдюков Евдоким, подьячий приказной избы, 1697 г. (17), приказчик Верхоленского острога, 1687–1688 гг. (16), приказчик Бельского острога, 1697–1698 гг., где и был убит (14).

Курдюков Михаил Евдокимович, пятидесятник конных казаков, в 1699 г. подавал доношение об убийстве отца — Е. Курдюкова (14).

Курилов Федор, торговый человек, упомянут в 1684 г. (15).

Лисовский Самойла Александрович, стрелецкий и казачий голова в Иркутске (17), в 1668 и 1675 гг. он, «жилец» в Иркутске и «бывший шляхтич», то есть поляк, служил приказчиком в Байкальских острогах — Ангарском, Баргузинском и Баунтовском (9).

Лодыженский (Нижегородов) Федор, новоприборный казак, упомянут в 1697 г. (9).

Лосев Сидор, стрелец, в 1688 г. был послан с припасами на Селенгу (17).

Лукьянин Захар, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Лукьянин Лашко, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Лукьянин Тимофей, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Лысковец Герасим, казенный целовальник в 1695 г., затем бежал, в 1697 г. оказался среди взбунтовавшихся «заморских» казаков, показывал на иркутского воевода А. Савёлова, уличая его в незаконных делах (17).

Максимова Евдокия (Дунка), сестра Григория Турчанинова, упомянута в 1697 г. (3).

Малафеев Михаил, казак, упомянут в 1689 г. (16).

Малыгин Симон, таможенный голова, упомянут в 1697 г. (3) и 1701 г. (17).

Маркелов Алексей, рядовой казак, в 1688 г. находился в каравуле А. Колбецкого (17).

Маркелов Иван, в 1681 г. служилый человек Тункинского острога, в 1684 г. казак Иркутского острога (15).

Маркелов Федор, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Марков Алексей, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Маслов Иван, лавочный сиделец, работник гостей (купцов) Василия и Алексея Филатьевых, упомянут в 1697 г. в связи с делом о «бунте заморских казаков» (17).

Меженец Афанасий, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Мельник Карп, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Мельников Иван, казак, упомянут в 1688 г. (17).

Мендин Василий Иванович, промышленный человек, 1684–1688 гг. (15, 17).

Миршень Михаил, служилый человек, упомянут в 1701 г. (17).

Митрофанов Гашко, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей (17).

Михайлов Василий, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей (17).

Михайлов Дементий (Демка), отправлен в 1688 г. из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей (17).

Михайлов Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Михалёв Андрей, казак, упомянут в 1690 г. (неграмотный — не умел расписываться) (17).

Михалёв Анисим Филиппович, казачий пятидесятник, в 1681–1682 гг. служил приказчиком в Тункинском остроге, в 1684 г. имел заемку вблизи Иркутского острога, в 1685 и 1689 гг. участвовал в приеме монгольских посланцев (15, 16).

Могилев (Могулов) Ерофей (Ярофей, Юрий, Юрко, Ярко), енисейский рядовой казак, служивший в Нерчинском остроге, 1666 г. (15), в 1684 г. приказчик Тункинского острога, имевший свой двор при Иркутском остроге (15, 17), пятидесятник иркутский конных казаков (16).

Могилев (Могулов) Козьма, казак, служилый человек, в 1684 г. имел собственный двор вблизи Иркутского острога, брат Е. Могилева (15–17).

Молодой Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Москвин Марк, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за

морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Москвитин (Москвитинов) Андрей, казак, участвовал в 1684 г. в переговорах с монгольскими посланцами, в 1689 г. приказчик Тункинского острога (15–17).

Москвитинов Федор, рядовой конный казак, в 1688 г. отправлялся из Иркутска на службу «за морем», в 1691 г. посыпался вместе с Г. Кибиревым в Москву (17).

Мотылев Ерофей, служилый человек, рядовой, участвовал в 1688 г. в карауле под началом Александра Колбецкого (17).

Мурзин Антон, иконописец, 1699–1700 гг. (7).

Мягкой Иван, казак, убит во время «бунта заморских казаков» в 1696–1697 гг. (17).

Надгоров Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Назарков Петр, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Назаров Иван, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Нарымской Иван, казак, упомянут в 1684 г. (17).

Нестеров Ананий, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Нечегин Василий, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Нечетинской Яков, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Никифоров Трифон, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г. (11).

Николаев (Николев) Иван Федорович, стольник, иркутский воевода, упоминается в документах 1700–1701 гг., проводил сыск (следствие) по делу «бунта заморских казаков» (10, 17).

Николев Иван Самойлович, стольник, воевода, 1699 г. (6), нерчинский воевода, 1701 г. (14).

Нонанов Григорий, служилый человек, упомянут в 1675 г. (12).

Носко Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Носков Харитон, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Опряткин Иван, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Осипов Вавил, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Ослоповский Иван, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Ослоповский Трифон, казачий сын, 1688 г. (16, 17), подьячий приказной избы, 1697 г. (3).

Остафьев Зотка, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Остраханцов Михаил, служилый человек, упомянут в 1700 г. (17).

Офонасьев Иван, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Палин Андрей, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Панов Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Парфентьев Гашко, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей (17).

Пенских Степан Самойлович, пашенный крестьянин Вознесенского монастыря, 1684 г. (15, 17).

Переломов Козьма, служилый человек, упомянут в 1700 г. (17).

Переломов Перфирий, казак, упомянут в 1688 г. (17).

Перфильев (Перфирьев) Василий Иванович, енисейский сын боярский, в 1689 г. участник переговоров с монголами, позднее приказчик Ильинской слободы, Удинского острога, сын И.М. Перфильева (13, 15–17).

Перфильев (Перфирьев) Иван Максимович, дворянин, в 1677 г. острожный приказчик, участник переговоров с монголами, приказчик Селенгинского, Тункинского острогов, Ильинской слободы, в 1697 г. товарищ воеводы в Иркутске (4, 6, 13, 15, 17).

Перфильев (Перфирьев) Остафий Иванович, дворянин, приказчик Тункинского (с 1687 г.), Балаганского (с 1691 г.) и Селенгинского (с 1696 г.) острогов; в 1684 г. участвовал в переговорах с монгольскими посланцами; сын И.М. Перфильева (15–17).

Перфирьев Фетифий, иркутский сын боярский, служилый человек приказной избы Селенгинского острога, 1697 г. (3).

Петров Гордей, дворовый человек И.М. Перфильева, упомянут в 1688 г. (17).

Петров Лаврентий, приказчик иркутских купцов Ивана и Алексея Ушаковых, упомянут в 1688, 1689 гг. (17).

Петров Никита, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Петров Сергей, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Пила Иван Васильевич, беломестный казак, служил в Тункинском остроге, 1684 г. (15, 17).

Пинягин Иван, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Платонов Иван, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Плотников Терентий, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Позняков Гавриил (Ганка), пашенный крестьянин, убит в Бурдугузе во время «бунта заморских казаков» в 1696–1697 гг. (17).

Позняков (Поздняков) Илья, казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», в 1700 г. подавал челобитную в Сибирский приказ в Москве (17).

Полежаев Иван, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Полежаев Тимофей, пристав таможенной избы, упомянут в 1684 г. (15).

Поликарпов Андрей, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Полуектов Иван, казак, упомянут в 1688 г. (17).

Полусенцов Никифор, казак, упомянут в 1700 г. (17).

Полуянов Иван, в 1690–1691 гг. расписывался в Иркутской приказной избе (17).

Полуяновских Иван, десятник иркутских пеших казаков, в 1689–1691 гг. посыпался «с товарыщи» для сбора ясака с тункинских бурят (17).

Попов Андрей, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Портняга Дмитрий, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Портняга Евстафий, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Пот Семен, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Похабов Яков Иванович, енисейский сын боярский, в 1661 г. основал Иркутский острог, названный сначала Яндашским (по имени местного князца Яндаша Дороги), с 1662 г. получивший название Иркутского, в распоряжении Я.И. Похабова была ко-

манда в 100 человек (2–5, 11); в 1667 г. он служил в Селенгинском остроге (17).

Преловской Иван, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Псковитин Яков, выборный целовальник таможенной избы, упомянут в 1684 г. (15).

Пыховский Стефан, иркутский сын боярский, в 1691 г. посыпался для взимания с бурят скота за кражу кобылиц у тунгуса Минейки, неграмотный (17).

Радионов Иван, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г. (11).

Рогов Ерофей, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Родионов Никита, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Родионов Савва, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Рудаков Еремей, казачий десятник, упомянут в 1684 г. (15, 17).

Рядов Кирил Усов, казачий пятидесятник, в 1688 г. посыпался с провиантом на Селенгу, «с ним Кирилом десять человек, хлебных запасов семьсот шездесят три пуда с четью мукой ржаной, восемь десят подвод, пятьдесят человек проводников» (17).

Савватеев Иван, приказчик купцов Ивана и Алексея Ушаковых, упомянут в 1688 г. (17).

Савёлов Афанасий, стольник, иркутский воевода с 1695 по 1697 г., с должности снят за злоупотребления (4, 6, 14, 17).

Савельев Андрей, казак, пристав таможенной избы, 1684 г. (15), приказчик Тункинского острога, 1686–1689 гг. (16).

Савин Прокопий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Садовников Петр, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Самойлов Еким (Яким), подьячий приказной избы, 1689–1690 гг. (16, 17).

Самойлов Ефим, подьячий приказной избы Иркутского острога, 1697 г. (3).

Самойлов Иван, таможенный голова, до 1684 г. (15).

Самойлов Первой — воевода Иркутского острога, 1669 г. (6), до этого приказчик Баргузинского острога, 1665–1668 гг. (15, 17).

Сапожников Федор, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Сатар Трофим, казак, упомянут в 1688 г. (16).

Свищов Андрей, подьячий приказной избы Иркутского острога, 1697 г. (3).

Святогоров Ф., пристав приказной избы, 1690 г. (16).

Семенов Афонасий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Семенов Иван, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Семенов Лев, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Семенов Трофим, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Семерик Иван, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Сергеев Трофим, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Сергеев Фома, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Серебренников Тимофей, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Серебренин Иван, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Сидоров Андрей, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Синюшин, казак, имел заимку по Кae, притоку Иркута.

Синявин Алексей Сидорович, иркутский воевода, стольник, в 1687 г. принимал в Иркутске монгольского посланца нойона Босого Зорикту (17).

Сиротинин Прон (Пронька), служилый человек, 1684 г. (15), служилый человек Тункинского острога, 1689 г. (16).

Сколетин Михаил, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Скорняк Семен, ремесленник, упомянут в 1698 г. (5).

Скосырев Иван, казак, упомянут в 1688 г. (16).

Смаа Степан, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Смагин Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Смарков Афонасий, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Спицын Андрей, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Степанов Иван, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Степанов Иван, наемный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Степанов Петр, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Стойлов Степан, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Стренин Федор, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Судейкин Богдан, казачий сын, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Сулейкин Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Сургуцкий (Сургуцкой) Лев, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Сухих Иван Федорович, иконописец, 1686 г. (7).

Татаринов Денис, казак, упомянут в 1685 г. (15).

Тимофеев Омилка, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Тобол Борис, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Толбузин Алексей Ларионович, иркутский («на Амуре, в Иркутском и в Албазинском») воевода, 1670 г., позднее, 1685 г., — албазинский воевода, в 1686 г. убит в Албазине (10, 15).

Толкачев Матвей, казак, упомянут в 1691 г. (16).

Толмач Михаил, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Томский Корнил, казак, упомянут в 1689 г. (17).

Тонкой Михаил Никитич (Мишка Никитин Тонкой), в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гулящих и промышленных людей (17).

Трифонов Дмитрий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Трофимов Яков, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Тупальский Лукьян, дворянин, участник приема в Иркутском остроге монгольских посланцев в 1684 г. (17).

Турчанинов Герасим, сын боярский, пятидесятник, в 1688 г. под его командой отправлены из Иркутска казаки и пашенные крестьяне в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну, в 1688–1697 гг. баргузинский пятидесятник (3, 17).

Турчанинов (Турченинов) Лев, сын казачий, 1688–1691 гг. (16, 17).

Тютин Василий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Уксусов Иван, казак, в 1684 г. был послан из Иркутска на службу в Тункинский острог, в 1688 г. был рядовым в карауле А. Колбецкого (15–17).

Уразов Данила Максимович, селенгинский служилый человек (1673 г.), казачий десятник в составе посольства В. Турскова к монголам (1681 г.), казачий десятник в Иркутске (1684 г.), участник приема в Иркутске монгольских посланцев (1684 г.) (15, 17).

Усов Кирил (Рядовой), пятидесятник, в 1688 г. посыпался с припасами в полк стольника, полковника Ф.И. Скрыпицына (17).

Усов Козьма Федорович, приказчик Балаганского острога, 1688 г., приказчик Иркутского острога, 1689 г. (13, 16, 17).

Ушаков Алексей, родился в Енисейске, в 1684 г. присутствовал на приеме монгольских посланцев (17), торговый человек гостиной сотни (9, 13, 15), с 1699 г. торговая деятельность была перенесена в Поволжье; брат И. Ушакова.

Ушаков Иван, родился в Енисейске, в 1669 г. посадский человек Енисейска, в 1675–1676 гг. получил пивной откуп в Иркутском остроге, в 1678–1679 гг. организовал мукомольный промысел, построив на реке Иде (ныне Ушаковка) мельницу, а спустя 2 года вторую; в 1689 г. отошел от дела, руководство которым легло на плечи его брата А. Ушакова; умер в 1694–1696 гг. (9, 13, 15, 17).

Федоров Василий, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Федоров Иван, промышленный человек, в 1684–1688 гг. (15, 17).

Федоров Кузьма, казачий десятник, 1681 г., приказчик Баргузинского острога, 1684 г. (15).

Федоров Никита, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Федоров Потап, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Федоров Савва, казак, упомянут в 1684 г. (15).

Федорова Фёкла, сестра Г. Турчанинова, упомянута в 1697 г. (3).

Федосов Степан, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Федотов Кирил, пашенный крестьянин, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Феоктистов Федот, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Филатов Иван, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Фомин Лев, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Фролов Иван, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Харитонов Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Хилинов Марк, подъячий таможенной избы, упомянут в 1684 г. (15).

Хлызов Федор, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г. (11).

Часовиков (Часовщиков) Фока, служилый человек Тункинского острога, 1687 г., конный казак Иркутского острога, 1690 г. (16).

Чарошник Федор, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Чаша Игнатий, отправлен в 1688 г. из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей (17).

Челюскин Федор, казак, фигурирует в деле о «бунте заморских казаков» в 1696–1697 гг. (17).

Черниговский Федор, сын боярский, фигурирует в деле о «бунте заморских казаков» в 1696–1697 гг. (17).

Чечегин Никита, служилый человек Тункинского острога, 1682 г., иркутский казак, 1684 г. (15).

Чигирин Матвей, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну; в 1689 г. посыпался на Китай и Белую для ясачного сбора (17).

Чупров (Чюпров) Афанасий, посадский человек, упомянут в 1684 г. (15).

Чупров Федор, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за

морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Чюмак Афонасий, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Шапенков Никита, целовальник приказной избы, упомянут в 1697 г. (3).

Шергин Михаил, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Шестаков Сидор Васильевич, сын боярский, дворянин, посланец к монгольским ханам, участник переговоров с монголами, приказчик Тункинского и Верхоленского острогов, в 1695 г. возглавил миссию в Китай (13, 14, 16, 17).

Шибаев Федор, казак, 1687–1688 гг. (16, 17).

Шишкин Юрий Федорович, стольник, иркутский воевода с октября 1699 г. по 1704 г. (5, 10, 17).

Шорник Тихон, ремесленник, упомянут в 1698 г. (5).

Штинников Иван, таможенный и заставный голова, упомянут в 1684 г. (15, 17).

Шубиных Лука Антропьевич, пашенный крестьянин Вознесенского монастыря, 1684 г. (15, 17).

Щукин Григорий, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г. (11).

Юрьев Симеон (Симка), в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Юрьев Юшка, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем» (17).

Якимов Андрей, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Якимов Финоген (Финка), в 1688 г. отправлен из Иркутска на службу «за морем», при этом занесен в группу гуляющих и промышленных людей с пометой «Калитинские» (17).

Яковлев Гашко, промышленный человек, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Яковлев Григорий, промышленный человек, упомянут в 1684 г. (15).

Яковлев Ерофей, рядовой казак, в 1688 г. отправлен из Иркутска в Ильинскую слободу к стольнику и полковнику Ф.И. Скрыпицыну (17).

Яковлев Семен, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г. (11).

Ярофеев Дмитрий, казак, 1682–1690 гг. (15, 17).

Данная статья подготовлена по проекту «Именник жителей г. Иркутска», одобренному конкурсом проектов «Губернское собрание общественности Иркутской области» в 2002 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головачев П.М. Состав населения и экономический быт Иркутска XVII века // Иркутск. Три века (страницы жизни). — Иркутск, 1986.
2. Дулов А.В. Иркутский острог // Сибирь. — 1983. — № 1.
3. Из «счетного списка» // Иркутск. Три века (страницы жизни). — Иркутск, 1986.
4. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. — Л., 1968.
5. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. — Иркутск, 1971.
6. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. — Иркутск, 1996.
7. Лыхин Ю.П., Крючкова Т.А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год). — Иркутск, 2000.
8. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. I: Документы воеводского управления. — М., 1895.
9. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. III: Документы по сношениям местного управления с центральным. — М., 1900.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. — М., 1987.
11. Полунина Н.М. У истоков каменного града. — Иркутск, 1979.
12. Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1: 1608–1683. — М., 1969.
13. Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 2: 1683–1691. — М., 1972.
14. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2: 1725–1727. — М., 1990.
15. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сборник документов. — М., 1996.
16. Русско-монгольские отношения. 1685–1691: Сборник документов. — М., 2000.
17. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1.
18. Сибирские и тобольские губернаторы: Исторические портреты, документы. — Тюмень, 2000.

РОДОВОЕ ГНЕЗДО

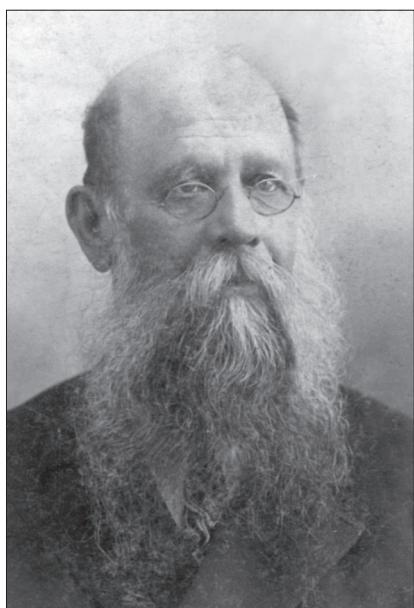
*Ливия Петровна Каминская,
журналист, член общества
«Родословие», г. Иркутск*

Бабушка моя со стороны матери Клавдия Ивановна Булдакова умела и любила рассказывать. Я помню эти рассказы еще дошкольницей. Бывало, в неуютные холодные дни военной зимы, когда мама на работе, а старшие сестры в школе, я, пристроившись к теплой батарее парового отопления поближе к бабушке, сидевшей с шитьем в руках, заслушивалась ее воспоминаниями о молодости и детстве в далеком уральском городке Камышлове, что лежит недалеко от Екатеринбурга (бабушка никогда не называла его Свердловском), о подругах-гимназистках и строгих

классных дамах, о доме ее отца Ивана Афанасьевича Булдакова, мещанина, владельца портновской мастерской, при которой жили и работали кроме домочадцев несколько мальчишек-подмастерьев, обучавшихся портновскому делу. О брате отца Дмитрии Афанасьевиче, уважаемом в Камышловском уезде лекаре и домашнем враче Булдаковых. О веселых семейных пикниках на берегах местной живописной речки Пышмы — семья прадеда имела свой выезд.

Рассказы иллюстрировались старыми снимками на твердом картоне, украшенном виньетками с необычными, с «ерами» и «ятями» надписями на обороте: «Фотографическое ателье братьев Козловых г. Камышлов», «Фотография При-

*Иван Афанасьевич Булдаков,
приблизительно 1900 г.*

былёва в Шадринске, путешествующая в городах сибирских».

Но крепче всего остального запала в душу семейная легенда, к которой бабушка возвращалась снова и снова, словно желая навечно запечатлеть ее в моей памяти. В семье Булдаковых, рассказывала она, бережно хранили некий документ, «грамоту», свидетельствующую о том, что их далекие предки были основателями крепости Камышлов, положившей начало ее родному городу, за что им якобы было даровано дворянское звание, которого они впоследствии лишились за недостойное поведение. К сожалению, многие подробностистерлись из памяти, за что я, став взрослой и уже похоронив бабушку, упрекала себя нещадно.

Легенда между тем продолжала жить в памяти, и чем старше я становилась, тем сильнее тревожили мое воображение то ли зов крови, то ли тоска генов по прародительской родине. Сколько раз, следя по каким-нибудь делам в Москву поездом, я караулила у окна появление старого, дореволюционной постройки станционного здания со старой же надписью «Камышловъ», где поезд стоит две минуты. Вглядывалась в окрестности, пытаясь угадать в них детали бабушкиных рассказов, порываясь выйти и остаться, ну хоть бы на пару дней. Но... проблемы, дела, обстоятельства — мы всегда найдем мысленное оправдание своей нерешительности, — и поезд надолго снова уносил меня от желанной станции.

И все-таки судьбе угодно было дать мне этот шанс. Правда, первым в этих краях оказался мой сын Андрей. В Камышлов он не попал, но в Екатеринбурге, где был по делам, в музее истории фотографии ему повезло встретить человека, который занимается родословными известных на Урале людей. Михаил Бенецианов сразу подтвердил достоверность семейного предания. Действительно, основателем Камышлова был Семен Будаков (именно так произносилась в XVII веке эта фамилия). Подробности Михаил пообещал сообщить почтой.

Через короткое время мы получили от Михаила подробное письмо. Род Булдаковых, сообщал он, ведет начало от верхотурских детей боярских Будаковых, родоначальником которых был

Клавдия Ивановна Булдакова

некто Леонтий Будаков. Село это Верхотурье также находится в Екатеринбургской области, оно намного старше областного центра, ему больше 400 лет. Так вот сын Леонтия, Мирон Будаков, был таможенным подьячим на Верхотурье. У него, в свою очередь, было два сына — Семен и Илья. Именно этот Семен, будучи приказчиком Пышминской слободы, и является основателем Камышлова. А ваш род, сообщал Михаил, — прямые потомки одного из сыновей Семена — Лазаря. Кстати, продолжал Бенецианов, в этом (1998-м) году Камышлов отмечает свое 330-летие, потому и заинтересовались историки родословной Будаковых.

О такой удаче я и мечтать не могла. И решила — еду. Да и сомнения оставались, тот ли это Будаков? И почему Будаков?

Позвонила мэру Камышлова и рассказала свою историю. Борис Витальевич Чигрин ошеломил меня еще одним известием. «Приезжайте, — сказал он. — 8 августа в связи с юбилеем мы открываем памятник вашему предку. Будем рады вашему присутствию».

Я успела точно к торжеству. На площади возле Покровского храма (ну, конечно, именно в этом храме, как рассказывала бабушка, отстаивали они семьей пасхальную службу, а потом бережно, чтоб не погасли, несли до дома свечки) при почетном карауле местных казаков и большом скоплении горожан торжественно сняли белое полотно с большого гранитного камня, увенчанного православным крестом. Надпись на камне... (впрочем, об этом особо).

Здесь же в праздничной толпе я познакомилась с двумя симпатичными молодыми историками. Владимир Перевалов и Юрий Коновалов имеют, как оказалось, прямое отношение к Уральскому историко-родословному обществу. Они и вручили мне свою написанную в соавторстве к юбилею города тоненькую брошюру «Род основателя Камышлова верхотурского сына боярского Семёна Будакова. Материалы к родословной».

Вечером в маленькой гостинице я залпом проглотила книжку, а в конце прочла: «Во второй половине XIX века уже в самом Камышлове проживали братья Иван и Дмитрий Афанасьевич Будаковы, считавшие себя прямыми потомками Семена Будакова. Именно у них известный пермский историк А.А. Дмитриев нашел в 1885 году список конца XVIII века с первой «наказной памятки» 1666 года С. Будакову об основании Камышловской слободы, сделанный в Верхотурской нижней расправе». Вот и сошлось! Иван Афанасьевич — бабушкин отец, а Дмитрий — его брат. Теперь стало ясно и другое — о какой «грамоте», хранившейся в семье, говорила бабушка.

«Память» эту, вернее, ее фотокопию, я держала на следующий день в руках, придя в местный камышловский музей. Оказывает-

ся, памятью в XVII веке называли распоряжение сверху. В данном случае верхотурский воевода, стольник Иван Яковлевич Колтовский повелевал приказчику (управителю) Пышминской слободы верхотурскому сыну боярскому Семену Будакову: «И как к тебе сия память придет, и ты по указу великих государей на том месте, вверх по Пышме реке, пышминским беломестным казакам и оброчным крестьянином велел острог строить...». Дети боярские, к которым принадлежал Семен Будаков, входили в дворянское сословие, так что он считался дворянином еще до основания нового города. Видимо, бабушку здесь подвела память или неточное изложение семейного предания. Распоряжение Колтовского содержало и подробные рекомендации о том, как вести себя с местным населением, каких людей привлечь для строительства новой слободы, и строгий наказ «с татары никакого зазоры, и тесноты им и насильства никакого не чинить и от них ничем не корыстоватца...». Этот документ, датированный сентябрем 1666 года, был продолжением служебной переписки об основании слободы, начавшейся в августе, а именно — ответом на донесение Семёна Будакова о том, что он приискал нужное место для строительства острога. Документ этот тоже сохранился. «А красовите того места и пахотными землями, и сенными покосами, и хмелевыми угодьями и далеко такого нет, и от воинских людей крепко», — писал Семён Будаков воеводе. Эти слова и запечатлены теперь на памятнике Семёну Будакову, который, кстати, построили на свои средства местные потомки беломестных казаков.

В то время уральские города-крепости были форпостами колонизации Сибири, одновременно становясь административными центрами осваиваемых пространств и богатых земель. Строитель Камышловской слободы Семён Булдаков стал одновременно и ее приказчиком, то есть управителем, и оставался им в 1669 и 1670 годы. Его сменил Василий Протопопов. А в 1709 году управление слободой снова перешло в семью Булдаковых — приказчиком стал сын Семёна Лазарь. Об этом рассказал мне Владимир Алексеевич Перевалов, подарив еще и «Поколенную родословную роспись Будаковых (Булдаковых) до середины XVIII века». Он же уточнил и мои смутные сведения о потере Булдаковыми дворянского звания.

В начале XVIII века Пётр I в ходе реформ упразднил социальную категорию детей боярских, включив его представителей в «благородное шляхетство». Однако за сибирскими детьми боярскими дворянство признано не было, несмотря на неоднократные с их стороны челобитные царю. Многие стали переходить в другие сословия. Правнуки и правправнуки Семёна Будакова ожидали разные судьбы: кто-то подался крестьян-

**В родительском доме:
сидит Клавдия Булдакова,
стоят ее мачеха и отец Иван
Афанасьевич, 1902 г.**

родным и близким. Тихий провинциальный городок на 35 тысяч жителей, каких много в российской глубинке, сразу лег мне на душу. Старая часть города во многом сохранила свою первозданность. Главную улицу в народе по-прежнему зовут Торговой. Двухэтажные каменные дома старой дореволюционной постройки, бывшие купеческие лавки и лабазы, новые их владельцы кое-где восстановили даже старые вывески с «ерами». Сохранилось здание гимназии, реставрируется красивейший Покровский храм, свидетели жизни моих дедов и прадедов.

Очень мне хотелось угадать прадедовский дом. Я шла вдоль старых деревянных построек, заглядывая во дворы и пугая хозяев, призывая на помощь интуицию: наведи, подскажи... Как же досадовала я на себя, что не спросила или не упомнила ни названия улицы, ни ее расположения. И старого кладбища с могилами моих предков нет и в помине — на этом месте стоит завод строительных материалов.

На следы другого своего прадеда, Дмитрия Афанасьевича, я наткнулась в Обуховской лечебнице, санатории под Камышло-

ствовать на облюбованных предками землях, кто-то взят в солдаты, кто-то в арифметическую школу в Екатеринбурге, основанную Татищевым, кто-то пропал безвестно. Одна из ветвей с родословного дерева, видимо, осела в Камышлове и свято хранила реликвии семьи. Недалеко от Камышлова и сейчас есть деревня Булдакова, в которой жили крестьяне, продолжатели рода Булдаковых. Со временем фамилия стала произноситься и писаться как Булдаков, как, впрочем, и слобода из Камышловской превратилась в Камышловскую. На Урале фамилия Булдаков произносится с удлением на втором слоге, именно так произносила свою фамилию бабушка.

На следующий день я ходила по улицам города, уже давно заочно ставшего мне

вом, основанном в XIX веке. Здесь уездный врач Булдаков «пользовал», как говорили раньше, больных. Дмитрий Афанасьевич был уважаемым в уезде человеком, дослужился до чина коллежского асессора.

По Камышловскому краеведческому музею меня водила его заведующая Ольга Александровна Торжкова. В музее, некогда богатом редкими документами и экспонатами, мало что сохранилось. Наиболее ценное вывезли в Пермь (Камышлов до строительства Екатеринбурга находился в составе Пермской губернии), что-то просто растищили. Вглядываясь в старые фотографии и документы, я искала следы булдаковской семьи. У экспозиции, посвященной революционной поре, я бы не задержалась, если бы... не один портрет. Фотоснимок красивого усатого молодого человека остановил на себе мой взгляд. «Сергей Чуцкаев, организатор первых большевистских кружков в Камышлове» — гласила надпись. Боже мой! Сергей Чуцкаев! Ну конечно, имя это мне знакомо. От бабушки. Она вспоминала его так часто, что оно засело в памяти. Как и романтическая история, связанная с ним. Он, кажется, был студентом, когда стал навещать семью Булдаковых. Появлялся в доме все чаще. И бабушка, тогда совсем юная, влюбилась. И небезответственно. Когда взаимное расположение молодых людей стало очевидным, отец пригласил дочь для приватного разговора. «Вот что, Клавдия, — сказал он, — с Сергеем у вас не может быть ничего, он твой родной брат...» Был ли это тайный грех отца или сын от прежнего брака, живший отдельно (прадед Иван Афанасьевич женился четырежды, жены все умирали рано), бабушка не сказала. Но открытие это стало трагедией для молодой девушки, она даже стрелялась, к счастью, неудачно. Правда, говорить об этом не любила.

И вот теперь я стояла перед портретом, похоже, моего родственника. Кто он? Как сложилась его судьба? На эти вопросы Ольга Александровна ответить мне не смогла.

Революция разметала многие российские семьи, положив конец и многим древним родам. Камышловская ветвь Булдаковых не стала исключением. У бабушки были старшая сестра Александра и брат Анатолий. Саша вышла замуж за известного в уезде богача, владельца конного и винокуренного заводов, немца по фамилии Шольц. Единственная их дочь Елена в юности сбежала из дома с актером проезжей труппы, и отец отрекся от нее. Когда началась революция, Шольцы уехали из России, куда — бог весть.

Клавдия Ивановна, окончив учительские курсы в Екатеринбурге, ступила на стезю сельской интеллигенции. Судьба кидала ее по деревням от Урала до Дальнего Востока. Но она всегда с неизменно теплым чувством вспоминала сельскую школу, де-

Александра Ивановна в доме мужа, слева ее муж Шольц

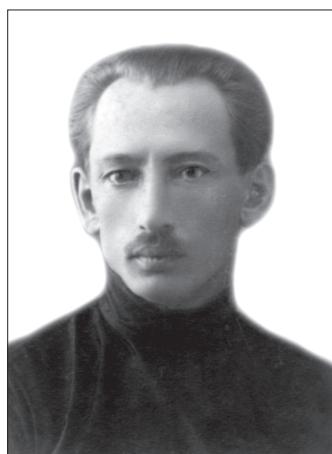
тоже телеграфиста, белоруса Андрея Родзько, здесь родила мою будущую мать Татьяну.

Анатолий, по рассказам бабушки, обладал редкими певческими данными, ему пророчили славу Собинова, но должность телеграфиста на сибирской забытой богом станции и водка сгубили его талант, как, впрочем, и жизнь бабушкиного мужа. Старожилы Иркутска, может быть, помнят Валерьяна Булдакова, сына Анатолия, солиста-тенора Иркутского радио, но ему досталась едва ли половина отцовского таланта.

У Анатолия помимо Валерьяна было еще трое детей: Константин, Людмила и Галина. Вся эта веточка: их дети, внуки и правнуки — музыкально одарены, кто больше, кто меньше. Дочь Людмилы Аида Чернова руководит в Москве театром музыкальной пластики «Новый балет» на Малой Басманной, внучка Галины Катя учится в училище искусств на вокальном отделении.

ревенских ребятишек, которых порой крестьянский труд заставлял бросать ученье, те заботу и уважение, с какими простые сельские мужики относились к «учительше». И потом у нас в доме часто появлялись родители, шедшие к ней, уже пенсионерке, с нижайшей просьбой подтянуть их «оболтуса» по письму или арифметике. Смотришь, и какой-нибудь абсолютно безнадежный двоечник подтягивался до «твердой» тройки и переваливал в следующий класс, к удивлению школьных учителей.

В конце концов бабушка переехала в Иркутск, где осел ее младший брат Анатолий, служивший телеграфистом. Здесь вышла замуж за его приятеля,

**Анатолий Иванович
Булдаков**

**Татьяна Андреевна
Булдакова-Родзько,
1924 г.**

1917 году, как пытались убедить нас в свое время, а куда как раньше, и соотечественники наши из далекого прошлого, их любовь к родной земле заслуживают уж никак не меньшего признания, чем дела тех, чьими именами повсеместно и безудержно назывались улицы и площади наших

древних российских городов. По сути, именно бабушка преподнесла нашей семье первые уроки патриотизма, гордости за свой род, уходящий своими корнями аж в средневековую Русь.

Нет, не ленитесь слушать своих стариков, пока они живы, не стесняйтесь расспрашивать о подробностях прошлой жизни. Это и ваша история уходит в даль времени, откуда нет возврата. Неужели важнее оставить в наследство детям своим и внукам счета в банках, «мерсы» и особняки, чем духовный опыт рода? Ведь разве не из семейных родословных складывается история России?

Я считаю себя сибирячкой, иркутянкой, преданно и нежно люблю свой

**Галина Анатольевна
Булдакова-Демидова**

**Валерьян Анатольевич
Булдаков**

**Людмила Анатольевна
Булдакова**

стойно. И невозможно пренебречь мнением твоих будущих потомков: каким ты останешься в их памяти?

край. Но это не мешает мне ощущать себя семечком с генеалогического древа, корнями уходящего в уральскую землю, и чувствовать незримые, но прочные и сердечные нити, на всегда связавшие меня с дальним приуральским городком.

Да ведь каждый из нас, покинувший историю своей семьи, может осознать себя побегом на древе, чьи корни уходят не только в глубь веков, но и в ширь просторов земных, в разные концы России, а то и за ее пределы.

Говорят, чем больше знает человек о своих корнях, тем крепче и увереннее чувствует себя на этой земле. А я бы добавила — и ответственнее. Поэтому что, имея достойных предков, стыдно жить недостойно.

Торговая улица в современном Камышлове, 1998 г.

АЙСБЕРГ МОЕЙ РОДОСЛОВНОЙ

*Марина Ростиславовна Новосёлова,
член общества «Родословие»,
архивариус Польской культурной
автономии «Огниво»,
г. Иркутск*

Занимаясь восстановлением своей родословной, я решила определить объем необходимой работы. Во временному масштабе это 200–250 лет. Численность моих прямых предков, примерно до восьмого-девятого колена, превышает цифру 500. В это число не входят братья и сестры, племянники и тетки, т.е. кровные родственники, но не прямые предки. И тогда родословная мне представилась в форме айсберга, в видимой части которого располагаемся я, мои родители, деды и бабушки, а остальные поколения скрыты в «океане времени». Действительно, при таком количестве предков редко кому удается осознанно познакомиться со своими прародителями.

Собранная за 10 лет информация о моих предках в предлагаемой статье организована следующим образом. Родословная начинается с автора, а описание предков ведется кругами, в пределах одного временного интервала. Только в самых глубоких «горизонтах» айсберга отдельные веточки-корни прослеживались по вертикали. Их конечные точки содержат имена и фамилии, а у женщин — только имена. Годы рождения самых отдаленных предков определены весьма приблизительно, по «шагу» времени между поколениями, принятому в 25–30 лет.

Я, **Новосёлова Марина Ростиславовна**, в девичестве Сизых, родилась в Иркутске в 1931 году. Окончила с золотой медалью Первую Ленинскую школу (ныне № 72) и с красным дипломом Иркутский горно-металлургический институт (ныне технический университет) по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых». Работала в Германской Демократической Республике, в Монгольской Народной Республике, в Восточной Сибири. В 1972 году защитила кандидатскую диссертацию и до выхода на пенсию занималась изучением строения земной коры и верхней мантии Байкальской рифтовой зоны в Институте земной коры Сибирского отделения Академии наук ССР, ныне РАН. Замужем. Имею дочь и сына, пятерых внуков и двух внучек. В 2003 году появилась первая правнучка.

**Сизых Ростислав
Викторович (1904–1971),
фото 1929 г.**

Им, моим потомкам, отошедшим от меня уже на три колена, я и посвящаю свою многолетнюю краеведческую работу.

Мои родители: Сизых Ростислав Викторович (1904–1971) и Надежда Антоновна, в девичестве Маньковская (1906–1967). Отец родился в Иркутске в семье чиновника, учился в реальных училищах Нерчинска, Читы, окончил 2-е Иркутское реальное училище. Дополнительно — год в единой трудовой школе, год в вечерней школе для взрослых и в 1923 году поступил в Восточно-Сибирский политехникум на строительное отделение. По окончании техникума в 1926 году занимался строительством в Черемховском районе, затем — на Дальнем Востоке (годы службы в Красной Армии), в Иркутске. С возрас-

том освоил сметное дело и работал в проектных организациях Иркутска. Коллеги дружески называли его «профессором сметных дел». В 1941–1946 годах служил в Красной Армии в Забайкалье (Чита и ее окрестности), где использовался по специальности. Как участник Великой Отечественной войны был награжден несколькими медалями и посмертно внесен в книгу «Память». В молодости играл в футбол и был заядлым болельщиком, совершал продолжительные велосипедные прогулки, участвовал в шахматных соревнованиях, любил преферанс.

Мама родилась в Томске в семье польского дворянина. Ее семья переехала в Иркутск в 1909 году. Училась она в 1-й Хаминовской гимназии, а оканчивала уже трудовую школу № 1

**Сизых Надежда Антоновна, в девичестве Маньковская (1906–1967),
фото 1928 г.**

имени В.И. Ленина. По семейной версии, она некоторое время была студенткой Восточно-Сибирского политехникума, где и познакомилась с отцом. Однако учебу там не окончила и приобрела специальность на курсах машинописи. Работала и надомницей, и в различных учреждениях Иркутска. Была очень грамотной и умела «расшифровать» любые почерки. Руководство и коллеги всегда отмечали это ее качество. В годы войны ей пришлось поработать официанткой в столовой швейной фабрики и швеей там же, шила белье для армии. Обладала хорошим голосом: пела в церковном хоре, затем — в клубе Октябрьской революции (КОР). Мама была хорошей хозяйкой, любила готовить. В зрелом возрасте освоила машинную вышивку, и ее работы украшали дом. Мои родители вырастили двоих детей и племянника — сына маминой сестры, рано оставшегося без родителей. Шестеро внуков согрели их старость и были объектом их гордости.

Родители моих родителей:

Сизых Виктор Яковлевич (1873–1921) и Мария Прокопьевна, в девичестве Черкашенина (1878–1953); Маньковские Антон Казимирович (1869?–1925) и Анна Александровна, в девичестве Карякина (1872–1936). Дедов я знала только по фотографиям, не часто показываемым детям. Бабушка Анна умерла, когда мне не было и пяти лет, и это печальное событие стало отчетливой датой моих детских воспоминаний. Бабушка Мария много лет жила в Забайкалье, и встречи с ней были редки. Четыре человека одного поколения сибиряков, но с такими разными судьбами, и все это так или иначе отразилось на их потомках, живущих в XXI веке.

Сизых Виктор Яковлевич (1873–1921) и Мария Прокопьевна, в девичестве Черкашенина (1878–1953), фото 1900 г.

Виктор Яковлевич, уроженец Иркутска, в семилетнем возрасте потерял мать, имел двух мачех, рос болезненным и, по-видимому, нервным ребенком. Окончил иркутскую гимназию и исторический факультет Санкт-Петербургского университета. По возвращении служил в Акцизном управлении Восточной Сибири. Имел чин надворного советника. Выезжал по службе в Нерчинск, Читу, Верхнеудинск, нередко вместе со своей семьей. Сейчас трудно понять, что было причиной частых переездов: высокое доверие начальства к порядочному исполнительному чиновнику или желание отправить неугодного работника на периферию. В молодости была попытка заняться общественной и исследовательской работой. Виктор Яковлевич был членом ВСОИРГО, имел тему, избирался членом Распорядительного комитета. В 1917 году он перенес инсульт и вынужден был уйти в отставку. Для лечения был отправлен в 1919 году в Томск, где и умер через два года, не дожив до 50 лет. В смутные годы Гражданской войны семья узнала о его смерти с опозданием, тело его покоится в томской земле.

Жена Виктора Мария была единственной дочерью иркутского чиновника высокого ранга, поэтому получила хорошее воспитание и образование. Она окончила известное в Иркутске заведение «Детский сад», которое — в отличие от сегодняшних «садов» — занималось воспитанниками до подросткового возраста. Мария владела французским языком (английский и немецкий освоила при воспитании внучек), играла на фортепиано, участвовала в самодеятельных спектаклях (сохранилась афиша с ее именем). Имея шестерых детей, она целиком посвятила себя им. Но, оставшись без кормильца, когда младшим детям было 9–12 лет, она зарабатывала средства перепиской нот и служебных бумаг, служила секретарем и делопроизводителем в ряде иркутских учреждений.

У своих детей и восьмерых внуков Мария Прокопьевна старалась разбудить интерес к книге и образованию. Среди ее детей были врач, строитель, командир дивизии. Все внуки получили высшее и среднетехническое образование.

Музей города Иркутска проявил интерес к личности М.П. Сизых (Черкашениной) и включил ее фотографии в возрасте от 10 до 70 лет и ее вещи в экспозицию 2000 года «Женщины XIX века». Был снят сюжет для Иркутского телевидения. Похоронена башушка в Чите.

Маньковский Антон Казимирович был сыном участника польского восстания 1863 года, варшавского дворянина, сосланного в Западную Сибирь. Место его рождения не известно, но

какую-то часть детства или юности он провел в Польше, что наложило заметный отпечаток, по рассказам знативших его лично, на его манеры, стиль поведения, внешний вид. Немногочисленные сохранившиеся фотографии подтверждают это. Образование имел техническое, что позволило ему занять пост капитана речного парохода, курсирующего из Тюмени в Томск и обратно. Эпизод его деятельности в 1895 году был описан в томской газете и в «Иркутских губернских ведомостях», но в последних — без упоминания имени. Пароход «Дельфин» потерпел аварию, которая обошлась без жертв только благодаря мужеству и опыту капитана А.К. Маньковского.

После женитьбы и появления детей Антон был вынужден оставить свою опасную работу и стал доверенным лицом своего тестя — тюменского купца А.П. Карякина в Томске. Вскоре он был избран одним из шести старшин Томского биржевого комитета.

Своего дела Антон не завел и после смерти родителей жены принял приглашение купца В.К. Бревнова стать его доверенным лицом в Иркутске. Жены Антона Маньковского и Владимира Бревнова были родными сестрами, трогательно привязанными друг к другу. Если бы это обстоятельство, верхушка моего родословного айсберга могла быть совсем иной.

После эмиграции В.К. Бревнова в 1919 году А.К. Маньковский до самой своей смерти служил в различных советских учреждениях благодаря своей технической и экономической грамотности. Дед был католиком, но костел посещал не часто. Православные праздники отмечал охотно с момента женитьбы на православной. Поэтому католичество, польские традиции и язык ушли из семьи вместе с дедом. Похоронен он в католической

**Маньковские Антон Казимирович (1869?–1925) и Анна Александровна, в девичестве Карякина (1872–1936),
фото до 1917 г.**

части Иерусалимского кладбища, ныне превращенного в Центральный городской парк.

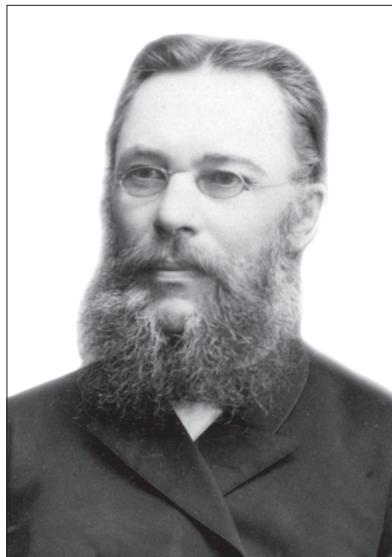
Бабушка Анна родилась в Тюмени в семье купцов Карякиных, и если бы не восстание 1863 года в Польше, нашла бы свою судьбу в кругах сибирского купечества, но история не имеет со-слагательного наклонения. Обретя с замужеством дворянство и получив хорошее приданое (по семейной версии, родители не одобряли ее выбора), она не имела спокойной обеспеченной жизни. Детей было 11, но выросли только 8. При наличии няни и кухарки Анна некоторое время служила страховым агентом в Томске, причем принимала посетителей в одной из комнат собственного дома на Ярлыковской площади. Ей пришлось собственоручно заниматься сдачей этого дома в аренду Томской городской управе после переезда семьи в Иркутск. Она раз-два в год ездила в Томск для продления документов. По-видимому, дом этот был продан, а возможно, и экспроприирован после 1917 года. Предположительно он сохранился, но находится на стадии ремонта. Жителей в нем нет, но в облике дома видны оригинальность и красота памятников деревянного зодчества XIX века. В Иркутске семья арендовала квартиру сначала на Почтамтской улице (ныне Степана Разина), недалеко от дома Бревновых, а позднее — на Ивановской (ныне Пролетарской). Восьмерых детей нужно было учить, средств на приобретение собственного дома не оказалось. Образование детей ограничилось гимназиями, юнкерским — кадетским училищами. Только двое старших сыновей получили высшее образование после эмиграции в Китай. Остальные стали советскими служащими по окончании различных курсов. Сравнительно раннее вдовство, потеря любимой дочери в родах, необходимость выхаживать сироту-внука подорвали здоровье бабушки, и в 64 года она умерла. Похоронена она на Лисихинском кладбище. Помню ее всегда занятой, озабоченной, очень сдержанной. Оставшиеся фотографии подтверждают это.

Из восьми прародителей мне удалось восстановить семь имен и собрать неравнозначную информацию по каждому из них: о прадеде Якове ее хватит на книжку, а о прадеде Казимире — буквально два десятка слов. Чудом сохранились несколько фотографий троих из них, по времени относящихся к концу XIX – началу XX века.

Памятником Якову Николаевичу Сизых (1840–1907) — вместе уничтоженного надгробия на Иерусалимском кладбище — будут служить две мои публикации: 1998 и 2001 годов. Яков принадлежал к казачьему сословию и получил образование в Школе

военных топографов при Генеральном штабе. Не испытывая влечения к военной службе, он уже в 23 года получил звание личного почетного гражданина благодаря образованию и сохранил его на всю жизнь. Начав работать в первой частной типолитографии Н.Н. Синицына гравером, он навсегда сохранил привязанность к типографскому делу. В 1886 году он основал собственное типографское заведение в центре Иркутска на улице Большой (ныне Карла Маркса). Маленькая типография честно служила городу 24 года и упоминалась во всех Памятных книжках Иркутска и Сибирских торгово-промышленных календарях (ежегодниках) вплоть до 1911 года. Книги этой типографии, преимущественно духовного содержания, сохранились в самых крупных библиотеках Иркутска и Новосибирска. Я.Н. Сизых занимался книгопродажей, золотопоисковыми работами, посредничеством среди сибирских золотопромышленников. При такой многогранной деятельности он избирался гласным городской думы в течение трех ее созывов начиная с 1893 года, был представителем думы в Иркутском отделении епархиального училищного Совета. В течение многих лет был действительным членом Общества по оказанию помощи учащимся и учащим Восточной Сибири, членом церковного братства имени Святителя Иннокентия, некоторое время — членом ВСОИРГО. В рамках своих материальных возможностей он занимался благотворительной деятельностью: печатал бесплатно билеты и афиши для благотворительных мероприятий, снижал цену за печатание «Иркутских епархиальных ведомостей» и религиозных брошюр. Все это характеризует Якова Николаевича как общественного деятеля и подвижника книгопечатания, высоко ценившего образование, культуру и творчество. Троє его сыновей получили высшее образование в Санкт-Петербурге, и они приумножили духовное наследие отца в разных сферах деятельности.

Прадед Яков был женат трижды, но в рамках моей родослов-

**Сизых Яков Николаевич
(1840–1907), фото 1894 г.**

ной следует назвать только мать Виктора — Анну Петровну Вершинину (1845–1880), дочь иркутского мещанина. Фотографии ее, к сожалению, не сохранилось. Умерла она молодой по слабости здоровья, и четверо детей ее умерли в детстве. Сын Сергей прожил 30 лет, а Виктор — до 48 лет.

Черкашенин Прокопий Степанович (1848?–1904?), прадед по материнской линии моего отца, также происходил из казаков, но, в отличие от Якова, всю жизнь прослужил в военном ведомстве Иркутска. Начав службу рядовым казаком в Иркутском казачьем полку, он делает карьеру гражданского чиновника в окружном военном штабе: заведует его хозяйственной частью, типографией, постепенно повышая свою «классность» от губернского секретаря до коллежского советника.

На форменном мундире Прокопия — три звездочки и два ордена, что предположительно соответствует званию подполковника и наградам Святого Станислава и Святой Анны четвертой (третьей) степени. В молодости он ездил сопровождающим золотых обозов в Санкт-Петербург

и посещал вместе с женой балы высшей знати. По материальному положению П.С. Черкашенин обладал правом выбирать и быть избранным в органы городского управления. Он дважды баллотировался в гласные городской думы, но не набрал нужного количества голосов. Тяга к общественной жизни в какой-то мере удовлетворялась членством в правлении Общества взаимного страхования имущества от огня. Иркутяне приглашали его в посаженные и крестные отцы своих детей и внуков. Дата смерти прадеда Прокопия не установлена. В Памятных книжках он не упоминается с 1903 года (вышел в отставку?), в 1909 году дом по 4-й Солдатской улице (ныне Киевская), принадлежавший ему, назван домом его наследников. По-видимому, он умер в интервале между 1903 и 1909 годами.

Черкашенин Прокопий Степанович (1848?–1904?), фото до 1889 г., Санкт-Петербург

Женой Прокопия Степановича была купеческая дочь Параскева (Прасковья) Яковлевна Костромитинова (1854?–1934). Образования не имела, но читала и писала. Ее помнили все внуки, и, по их отзывам, у нее был твердый цельный характер. Сохранились и ее фотографии. Она умело вела домашнее хозяйство, была требовательна к внукам и старалась передать им свои практические знания. В своей усадьбе она создала сад; весной и летом он благоухал яблоней, шиповником, сиренью, жасмином, акацией. Я любила этот сад, но в 60-х годах XX века он был вырублен при строительстве четырехэтажного дома. Тогда же был разобран и деревянный одноэтажный дом, где жила чета Черкашениных, а в 1904 году родился мой отец.

Вторая половина моих прародителей — не иркутяне, и восстановление их биографий оказалось нелегким делом. Казимир Маньковский был варшавским дворянином и за участие в Январском восстании 1863 года сослан в Западную Сибирь. Его статейный список до сих пор не обнаружен ни мною, ни польским историком Викторией Сливовской, с которой я веду поисковые работы по восстановлению имен участников восстания. Запросы в Тобольский, Тюменский и Омский архивы, работа в Томском архиве пока не дали положительных результатов. В наследство потомкам Казимир оставил свое имя, дворянское звание, католическую веру и некоторые национальные черты. По литературе достаточно подробно воспроизводятся путь Казимира от Варшавы до Западной Сибири, по железной дороге и пешим этапом, трудности адаптации к сибирской жизни, бесправное положение вплоть до знаменитого манифеста 1883 года, освободившего подавляющее большинство повстанцев от наказания. Казимир не был активным участником восстания, иначе бы его сослали в Восточную Сибирь. Поскольку его дети остались сибиряками, можно полагать, что Казимир не возвращался на родину, хотя там были обеспеченные родственники, к которым его сын Антон ездил в детстве и юности.

**Черкашенина Прасковья
Яковлевна, в девичестве
Костромитинова
(1854?–1934)**

Я продолжаю искать документы о Казимире Маньковском и очень надеюсь, что кто-то из моих потомков подхватит эстафету поиска, чтобы как можно глубже проследить польскую линию семьи. Мы не знаем имени и девичьей фамилии жены Казимира, а ведь это еще одна ветвь родословной. Определенно можно сказать, что она была католичкой и говорила на польском языке.

Второй прадед по материнской линии — Александр Петрович Карякин (1842–1899). Происходя из купеческого сословия, он, по-видимому, не имел средств на собственное дело и служил приказчиком у тюменского купца Петра Ядрышникова. Как это часто бывало, он женился на дочери хозяина Надежде (1843 или 1845 г. рождения), получил приданое и тогда начал торговать самостоятельно. Известен как купец 2-й гильдии в Тюмени и в Томске. В обоих этих городах существовало Торговое товарищество «Карякин и Андреев», основанное на суконной фабрике в селе Ядрышниково, ранее принадлежавшей его тестю. По одной из версий, фабрика была продана купцам Андреевым, но тот факт, что в Товариществе первым назывался Карякин, позволяет предположить, что именно Александру Петровичу принадлежал больший пай. Торговал он успешно, хотя звания купца 1-й гильдии так и не получил. Погиб трагически: был ограблен и убит в Перми в 1899 году. По воспоминаниям знавших его, имел мягкий характер — в отличие от жены Надежды, которая деятельно занималась семьей (6 дочерей и сын!) и, наверное, участвовала в торговле. Она неодобрительно отнеслась к выбору дочерью Анной жениха Антона, сына политического ссыльного поляка. Однако в дальнейшем выделяла его среди других зятьев, в числе которых были очень богатый Антон Иванович Колокольников и деятельный Владимир Капитонович Бревнов, высоко оценив воспитанность, галантность и образованность польского дворянина. Фотографий Александра и Надежды Карякиной не сохранилось, но дошедшие до нас документы свидетельствуют об их незаурядных натурах.

Чем глубже погружаешься в недра родословного айсберга, тем скучнее становятся сведения о предках более ранних поколений. **Из 16 моих прапрадедов и прапрабабушек** (для меня это пятое колено, для моих внуков — седьмое) я разыскала сведения только о десяти.

Отцом Якова был Николай Михайлов Сизых, казак, служивший писарем-казначеем в Иркутском казачьем конном полку. Год рождения его 1807(?) — по метрической записи о венчании.

Место рождения, дата и место смерти его пока не обнаружены. Можно предполагать, что умер он в Иркутске, где родились, жили и умерли его сыновья Яков и Андрей. Яков очень любил своего отца или так сильно были традиции давать сыновьям имена дедов, но в трех браках он называл младенцев Николаями. Однако ни один из них не дожил до года. Похоже, больше Николаев в роду Сизых не было.

Николай был женат на Ксении, дочери умершего (к моменту заключения брака) иркутского мещанина Василия Лаврентьева Брагина. Она была младше мужа на семь лет и, по-видимому, прожила недолгую жизнь. Косвенное свидетельство этому: она не фигурировала ни в одной метрической записи бракосочетания своих детей и рождения внуков.

О родителях Анны, жены Якова, удалось узнать только, что отцом ее был Петр Вершинин. Оказалось, что эта фамилия в начале XIX века была очень распространена в Иркутске. Я обнаружила двух Петров Вершининых, у которых родились дочери Анны, но ни одна из них по возрасту не могла быть моей прабабушкой. Поэтому в ветви Вершининых пока поставлена точка.

Чуть больше сведений найдено о родителях Прокопия Черкашенина. Его отец Стефан Петров был казачьего рода. В 1850–1854 годах назначался пятидесятником Иркутского казачьего конного полка, в 1858–1859 годах — урядником. Умер в 1867 году от тифа в возрасте 50 лет, находясь в отставке. Женой Стефана была Мария Афанасьевна Власихина, дочь иркутского мещанина. У них выросли два сына и три дочери. После смерти Марии (до 1873 г.) «Иркутские губернские ведомости» объявили о разделе наследства в виде деревянного дома в 3-й части Иркутска, которым она владела с 1852 года. Дочери отказались от своей доли в пользу Прокопия, а младший брат только в 1881 году продал свою долю старшему, и Прокопий стал единственным владельцем родительского дома. К этому времени он был женат и имел дочь. Не удалось, к сожалению, выяснить адрес этого дома.

Отцом Прасковьи Костромитиновой был киренский, верхоленский или канский (а возможно, и то, и другое, и третье в разные периоды времени) купец Яков Матвеев (1820–1894). В 80-е годы XIX века он имел право на поиски золота. Был грамотен. Отшедши от дел, читал газеты, книги. Умер скоропостижно от инфаркта в Иркутске. Был женат на Анне Федоровне (1825? – после 1907 г.) из богатой семьи, но ее девичья фамилия в семейной памяти не сохранилась. Она была грамотна, занималась до-

Костромитинова Анна Федоровна. На снимке 1907 г. четыре поколения (справа налево): Анна Федоровна, Прасковья Яковлевна, Мария Прокольевна, Мария Викторовна

машним хозяйством и воспитанием шестерых детей. Один из сыновей погиб в Перовую мировую войну в районе Сувалки (Польша), и Прасковья ездила туда за телом брата. Второй сын стал жертвой репрессий в 30-х годах XX века. Анна Федоровна прожила долго, и ее помнили правнуки. Сохранилась фотография, на которой поместились представительницы четырех поколений Костромитиновых-Черкашениных-Сизых: три дочери, три матери, две бабушки с внучками, прабабушка с правнучкой; это звучит как детская загадка.

Отец Александра Карякина — Петр. В «Краткой энциклопедии по истории купечества...» упоминаются три человека с таким именем и фамилией соответственно 1713, 1735 и 1780 годов рождения. Первые два не годятся в отцы человеку 1842 года рождения, а третий в 1844 году живет в Нерчинске и избран страстостой Воскресенского собора. Без дополнительных сведений его нельзя считать пропрадедом. О матери Александра не удалось узнать ничего. Необходимо просматривать метрические книги Тюмени, Тобольска, а возможно, и Нерчинска.

О семье жены Александра Карякина благодаря «Краткой энциклопедии...» известно гораздо больше. Отец Надежды Петр Григорьевич Ядрышников родился в 1818 году в купеческой семье. Начинал купцом 2-й гильдии, владел, как уже упоминалось выше, суконной фабрикой в деревне Ядрышниковой Тюменско-

го округа с доходом 100 тысяч рублей (в 1860-х гг.). Капитал его умножился, и в конце жизни он стал купцом 1-й гильдии. Женат Петр был на Ирине Даниловой, также 1818 года рождения. Девичья фамилия ее не известна. В семье было три дочери и сын. В Тюмени во второй половине XIX века были еще две семьи купцов Ядрышниковых. Предполагаются родственные связи, но документально это пока не подтверждено.

Моя родословная более-менее четко прослеживается до конца XVIII века, а дальше, в глубь веков, уходят отдельные веточки не основных фамилий — Брагины, Черкашенины, Ядрышниковы, и поэтому изменена методика «послойного» описания семейного айсберга и прослеженные веточки рассматриваются до их окончаний.

Основная фамилия — Сизых — после Николая прослеживается очень неуверенно. Так, в 1807 году у отставного казака Михаила Сизых появилась «дщерь Мария». В те времена имя матери не вносилось в метрические книги. В 1820 году упоминаются вдова Марфа Ивановна Сизых и ее сын Николай. Можно допустить, что Марфа и Михаил были родителями нашего Николая. В пользу этого говорит и казачье сословие Михаила, и возраст

**Семья Сизых-Черкашениных, фото 1927 г. (слева направо):
стоят Ростислав и Владимир, сидят Мария Прокопьевна, Ольга,
Сабина, Прасковья Яковлевна, Мария**

Михаила и Марфы. Год рождения Николая (1807) определен ориентировочно. Можно принять, что ветвь Сизых прослежена до 1780–1785 годов, и пока на этом поставить точку.

Василий Лаврентьев Брагин (1780–1836) был иркутским мещанином и многократно упоминается в фонде 70 (Городская дума) Государственного архива Иркутской области. Он регулярно получал разрешения на отлучки в европейскую часть России и в Кяхтинский форпост. Был он неграмотен, но фамилию и имя на документах «вырисовывал» четко. По-видимому, он занимался торговыми делами и в 1820 году имел купеческое звание по Ангутской деревне. Женат был на Ксении Федоровой (девичья фамилия ее осталась неизвестной). В семье было три или четыре сына и две дочери, но в более поздних документах упоминаются только сын и дочь — Николай и Ксения.

Василий принадлежал к многодетной семье тоже иркутского мещанина Лаврентия Семенова, 1743 года рождения. Женой его была Елена Михайловна, на два года моложе. В семье было четыре сына и дочь. Лаврентий не знал грамоты, за него при получении разрешения на поездки «в российские и сибирские города» расписывались товарищи, которые тем самым брали на себя ответственность за выполнение всех обязательств уехавшего.

Семен Брагин (1699–1753), по первым ревизским сказкам, относится к посадским. Женат был на Федосье Кирилловне Чагиной, дочери посадского человека из города Устюг Великий. В Иркутске было много Чагиных, и необходимы дополнительные материалы, подтверждающие родство. Но на сегодня Кирилл Чагин является конечной точкой в линии Брагиных-Чагиных, стоящей уже в XVII веке.

В архивных иркутских документах были встречены имена Петра Федорова Черкашенина (1812–1820), Федора Афанасьева Черкашенина (1807). По этим датам Степан мог быть сыном первого и внуком второго.

Несколько смущает, что и Петр, и Федор были городскими обывателями и не относились к казачьему роду, хотя смена со словия в то время не была большой редкостью. Прослеживание родственных связей Черкашениных было затруднено тем, что одни писари записывали их как Черкашенины, другие — Черкашины, причем продолжалось это до конца XIX века, и тот же Прокопий в метрических книгах записан и так, и этак. Родоначальник этой линии Афанасий — по очень приблизительным прикидкам — мог родиться в первой трети — половине XVIII века.

У Ядрышниковых ветвь документально прослежена также до середины XVIII века. Дед Надежды Григорий Петрович жил с 1790 по 1850-е годы. Соответственно его отец мог родиться в 1760-е годы. Бабушка Надежды Евдокия была ровесницей мужа, девицья фамилия ее не известна. Ее отец Григорий примерно того же возраста, что и Петр Ядрышников. По-видимому, все они жили в Западной Сибири, а деревня Ядрышникова могла быть основана их предками.

За десятилетие поисков из 500 человек прямых предков удалось восстановить имена 45, определить основные черты их биографий, места жительства, род занятий и сословную принадлежность. На начало поиска я располагала всего 12 именами и очень ограниченными сведениями об их судьбах. Несмотря на кажущуюся малость, мой семейный клан охарактеризован по многим параметрам до середины – начала XVII века. Составляют его сибиряки, относившиеся к посадским, мещанам, казакам, купцам, чиновникам. Исключениями являются личный почетный гражданин Яков Сизых и варшавский дворянин Казимир Маньковский. Грамотой владели с начала XIX века, а в конце его потомки получали уже высшее образование. Национальность – единая: русские, однако с конца XIX века появились польские корни. Все мужчины семьи обеспечивали достойную жизнь своим потомкам, но долгожительством не отличались. Женщины жили значительно дольше. Они «доращивали» детей после потери кормильца, нянчили внуков, а иногда и правнуоков, передавали семейные традиции.

Девичьи фамилии незаслуженно забывались, а с ними постепенно утрачивались и кровные родственные связи. Среди женщин твердым характером обладали Анна Федоровна Костромитинова, Прасковья Степановна Костромитинова, Анна Александровна Маньковская. В семье не было крупных имен, вошедших в историю, но каждый член ее заслуживает внимания как порядочный, трудолюбивый, законопослушный человек. Молодой просли есть чем гордиться в семейном айсберге. Работу по его восстановлению можно продолжить, поскольку основные направления поиска намечены.

Я благодарна своей тетке Сабине Викторовне Поляковой, сестре отца, написавшей историю семьи до прадедов, иркутскому историку Веру Михайловне Станевич, в течение этих десяти лет оказывавшей моральную и профессиональную поддержку, и покойному Марку Сергееву, который дал первую консультацию о путях восстановления родословных жителей Иркутска.

ЛИТЕРАТУРА

Академическая наука в Восточной Сибири. — Новосибирск, 1999. — С. 222, 376.

Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — Новосибирск, 1995. — С. 73, 93, 195, 223, 224.

Дмитриенко Надежда. Сентябрь в Сибири. Сто лет назад. Капитан сохранил присутствие духа // Томский вестник. — 1995. — 7 сентября. — С. 4.

Иркутск: Библиографический указатель. XVII – начало XX вв. — Иркутск, 2002. — Вып. 1. — С. 412, 413, 414.

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск, 1995. — Т. 2, кн. 1. — С. 173; Новосибирск, 1997. — Т. 4, кн. 1. — С. 57; Новосибирск, 1999. — Т. 4, кн. 3. — С. 80–81.

Новосёлова М.Р. Два года спустя (заметки о Романовских чтениях) // Вторые Романовские чтения. — Иркутск, 2000. — С. 191–196.

Новосёлова М.Р. Летописи Н.С. Романова и генеалогия иркутян // Первые Романовские чтения: Материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Н.С. Романова, 9–10 октября 1996 г. — Иркутск, 1997. — С. 31–33.

Новосёлова М. Типографии Н.Н. Синицына и Я.Н. Сизых // Земля Иркутская. — 2001. — № 16. — С. 49–54.

Новосёлова М.Р. Яков Николаевич Сизых (1840–1907) — почетный гражданин Иркутска // Архивы — источник истины. — Иркутск, 1998. — С. 113–116.

Павлов С.Ф. Институт земной коры СО РАН, 1949–1994 гг. — Иркутск, 1994. — С. 26, 145.

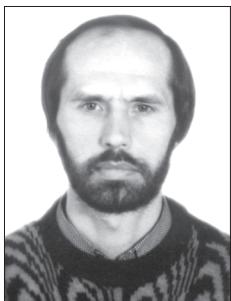
Память. Ч. 10: Областной Совет ветеранов. — Иркутск, 2000. — С. 122.

Путь к истоку (семейный альбом): Интервью, данное М.Р. Новоселовой журналистке Л.П. Каминской // Восточно-Сибирская правда. — 2001. — 3 февраля. — С. 11.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. — Иркутск, 1993. — С. 77–78.

Ханевич В.А. К истории взаимосвязей польских диаспор Томска и Иркутска в XIX–XX вв. // Сибирская польская история и современность: актуальные вопросы. — Иркутск, 2000. — С. 312–316.

ПРИОТКРЫВАЮЩИЕСЯ ПОКОЛЕНИЯ (К ИСТОРИИ ЛЕНСКОГО РОДА ЛЫХИНЫХ)

**Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»,
член общества «Родословие»,
г. Иркутск**

По существовавшей семейной легенде происхождение фамилии Лыхин связывалось с украинским словом «лихо» (читается «лыхо» — украинской букве «и» в русском языке соответствует «ы»), что означает «беда, несчастье, горе, зло». Специалисты Института русского языка АН СССР, которых я некогда запрашивал по этому поводу, других вариантов происхождения фамилии назвать не смогли.

Фамилии, образованные суффиксами *-ов*, *-ин*, по своему происхождению — это притяжательные прилагательные, которые указывали на отношение к отцу (чей сын, чья дочь). Отсюда предполагалось, что далекий предок Лыхиных имел личное имя *Лихо* (*Лыхо*), послужившее основой отчества, а затем и фамилии *Лыхин*. Такого рода имена давались новорожденным с профилактическими соображениями — желанием уберечь от порчи, влияния сверхъестественных сил (из этого же ряда дохристианских личных собственных имен — Горе, Негодяй, Неудача, Нелюб и др.). На самом деле все оказалось не так. Но чтобы выяснить это, пришлось пройти немалый путь.

Интерес к своей родословной у всякого проявляется в свое время. Мне довелось почувствовать «зов крови» довольно рано. В 1960-е годы, будучи ребенком, я практически каждое лето приезжал в деревню Лыхину (сначала с родителями, а потом и одного посыпали, посадив на следовавший от города Бодайбо до города Киренска колесный пароход). Хорошо помню просторный и светлый дедовский дом, обширный и слегка таинственный двор, согнувшись к тому времени бабушку и невысокого, но кряжистого деда. Помню деда и на колхозной конюшне, где он, сидя на низенькой скамеечке, вечно чинил разнообразную конскую сбрую. Соприкоснувшись в детстве с деревней Лыхиной, деревенской жизнью и бытом, впитав в себя все это впечатлительной детской душой, я навсегда воспринял ленские места как настоящую свою родину.

В Великом Устюге сегодня. 2002 г.

Как часто бывает, деда я расспросить не успел. Он скончался летом 1976 года, и лишь после его смерти я начал целенаправленно выяснять у отца, дяди и других родственников о своих ленских предках. Узнанное записывалось и откладывалось до следующего всплеска интереса. Новые обращения к родословной приносили дополнительные сведения. Однако все устные распросы помогли осветить род лишь на несколько ближайших поколений: отца, деда, прадеда и пропадеда Ивана Зиновьевича.

Только в конце 1990-х годов я вернулся к давнему интересу более основательно, обратившись к материалам Государственного архива Иркутской области (ГАИО), в первую очередь к церковным метрическим книгам. Работа с ними довела родословную до конца XVIII века. Это был серьезный успех, однако вопрос о происхождении фамилии и рода по-прежнему нуждался в ответе.

Решающий прорыв удалось совершить с помощью коллеги по генеалогическим изысканиям — Георгия Борисовича Красноштанова, ленского уроженца, ныне живущего в Москве. Благодаря его любезному содействию стали известны имена «прапредителей» всех ленских Лыхиных, живших в деревнях Берендиловской и Лыхинской Киренского округа Иркутской губернии. Но сначала небольшая предыстория о появлении на Лене этих поселений. Вот что Г.Б. Красноштанов сообщил мне исходя из своих многолетних изысканий в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве.

Берендиловская деревня на реке Лене была основана в 1648 году Гаврилкой Михайловым Берендилом, важенином, т. е. выходцем с Ваги (река в Вологодской и Архангельской областях, приток Северной Двины). Ленский воевода В.Н. Пушкин писал в Москву: «Да в прошлом же, государь, во 157 [1648] году мы ж, холопы твои, в Якутском остроге промышленных людей, которые жили в Жиганах с некрещеными с якутцкими с жонками лет по пяти и по шести, и по десяти, и больши, и робят с ними прижили, взяв из Жиган и по их челобитью крестя тех их жонок, и с их прижитками, и на тех они свои[х] жонках по християнскому закону поженились, взяв по них поручные записи и дав им подмоги и [с]уды по тому ж, как прежним дано, послали их из Якутского вверх по Лене и велели посадить за тобою, государем, в пашенные крестьяне, трех человек по их челобитью под Верхоленским братцким остроге, где посажены первые ссыльные черкасы, десять человек на усть речке на Тутуре, а дву человек — на Чичуйском волоку.

А велено им на тебя, государя, пашни пахать ржи по десятине да овса и ячмени по другой десятине. И в том по них и поручные записи поиманы» (РГАДА, ф.214, стб.241, л.187).

Жиганы — это современный Жиганск, в 760 километрах ниже Якутска по Лене. Что-то помешало посадить упомянутых трех человек под Верхоленском, и все они были поселены на Чечуйском волоке. При этом важенин Гаврилко Михайлов Берендило

Река Унжа, Костромская область. 2002 г.

дал начало будущей деревне Берендиловой, пинежанин Вешнячко Евменьев (Тит Евменьев Вешняк) — деревне Вишняковой, устюжанин Ивашко Прокопьев Белых (он же Банщик) — деревне Банщиковой.

В 1654 году, через несколько лет после своего поселения на новом месте, Гаврилко Михайлов Берендило умер. На его вдове Акилине Григорьевой дочери (якутке по национальности) женился промышленный человек Алешка Тимофеев важенин, которому приписали фамилию Берендилов.

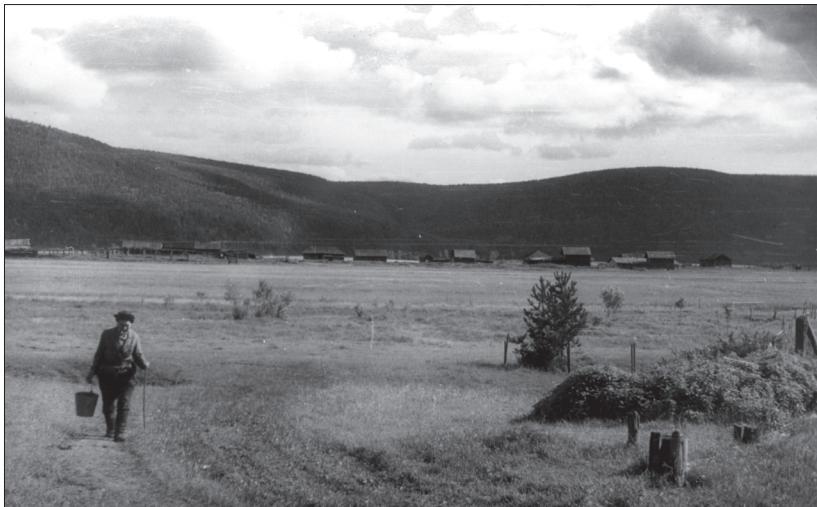
В первый период существования новое поселение не имело названия. А живших в нем пашенных крестьян подразделяли на две деревни, которые находились на расстоянии одной версты друг от друга. В одной, которая была выше по Лене, жили Алешка Тимофеев (Берендилов), Аксенко Михайлов, Мирошка Тимофеев Квасов.

Во второй деревне, ниже по течению Лены, жили Гаврилко Михайлов Плехан (его прозвищем, кстати, названо озеро Плеханово в окрестностях деревни) и Матвейка Михайлов, «отставленный» служилый человек, брат Гаврилки Михайлова Берендила. Всего, таким образом, пять дворов на 1653 год.

Так, раздельно и без названий, эти деревни упоминались в документах 1654–1656 годов. Но уже с начала 1660-х годов при многочисленных переписях и ревизиях жители обеих деревень стали записываться в одной, «четвертой» по счету (от Чечуйского острога вниз по Лене). Позже она получила название Бе-

Река Лена у села Чечуйск. 2000 г.

Деревня Лыхина и ее последний житель — И.Е. Лыхин. 1971 г.

рендиловской. С этой деревней и связана история ленского рода Лыхиных.

Теперь обратимся к поколенной росписи. За ограниченностью места мы вынуждены взять только одну линию рода, а именно ведущую к автору сей статьи. Ее временная протяженность составила четыре столетия.

I. Григорий (жил в конце XVI – начале XVII в.)

По-видимому, устюжанин. Имел сына Ивана (Ивашку), пришедшего в Восточную Сибирь.

II. Ивашко Григорьев Лыха (жил в первой половине XVII в.)

Устюжанин. Первый пришедший на Лену предок Лыхиных. В РГАДА в таможенных книгах Якутского острога Г.Б. Красноштановым обнаружено три документа, в которых упоминается Ивашко Григорьев Лыха. Наиболее ранний из них относится к 1647 году. Таможенная запись свидетельствует: «Июня в 27 день отпущены из таможни на соболиный промысел промышленой человек Стенька Васильев Поляков, а с ним покрученики и наемщики

наемщик Ивашко Григорьев Лыха устюжанин

покрученики

Онтонко Евсевьев пинежанин

Овдокимко Микифоров устюжанин

Ивашко Филипов Тобольского города

Ивашко Васильев Мурога устюжанин

Агапитко Трофимов устюжанин

*Здесь, у озера, в километре от реки Лены
находилась деревня Лыхина. 2000 г.*

Корнилко Тимофеев Окруженин
Оксенко Микитин Южак.

А с ними пошло хлебного запасу и промышленного заводу Якутского острогу по таможенной оценке на двести на двадцать на один рубль на десять алтын.

Отъезжие пошлины взято по алтыну с человека. Итого девять алтын» (РГАДА, ф.1177, оп.4, д.228, л.222–222 об.).

Две других записи, относящиеся к 1648 и 1649 годам, аналогичны. И в них Ивашко Григорьев Лыха в качестве наемщика промышленного человека Стеньки Полякова (это, кстати, известная историкам личность — сотоварищ Ярофея Хабарова в походе на Амур) отправлялся из Якутского острога «вниз по Лене реке и вверх по Алдану реке на соболиный промысел».

Из этих документов следует важный вывод: семейная легенда об украинском происхождении фамилии не верна. Ивашко Григорьев Лыха, три года подряд ходивший в Якутии на соболиный промысел, был устюжанином. Соответственно и объяснение его прозвища надо искать не в украинском языке. В многотомном «Словаре русских народных говоров» о значении слова «лыха» говорится следующим образом: «1. О женщине, девушке большого роста». «2. О ленивой женщине, девушке. Такие лыхи сидят дома и не хотят работать».

III. Кирилко Иванов Лыха (Лыхин) (? – ок. 1700)

Устюжанин. Промышленный человек, затем пашенный крестьянин. По всей видимости, сын Ивашки Григорьева Лыхи, хотя прямых доказательств такого родства пока нет. Наиболее раннее упоминание о нем на сегодняшний день обнаружено Г.Б. Красноштановым в РГАДА в фонде Якутской приказной избы. В деле о краже сошников в Берендиловской деревне в «168 [1660] году, мая в 28 день» одним из опрошенных был находившийся там промышленный человек Кирилко Иванов (Лыха).

В ужинной книге за 1661 год найдена запись о присевке Кирилки Иванова: «На ево ж, Алешкине [Тимофеева Берендилова] земли присевка промышленого человека Кирилка Иванова. Десяносто пять снопов ячменю. По счету и по умолоту взять пятово снопа полтора пуда ячменю» (РГАДА, ф.1177, оп.4, д.761, л.19 об.).

Две интересные записи о нем обнаружены в таможенных книгах того времени. Так, в таможенной книге Чечуйского волока записано: «Июня в 16 день [1664 г.] отпущены с Чичойского волоку из таможни к Ленскому Илимскому волоку промышленые люди

Кирюшка Иванов устюжанин

Ивашко Михайлов Крюков

да торгового человека Никиты Осколкова прикащик ево Андреян Васильев Едомских

Сергушка Евдокимов вымитин.

А с ними отпущено их промыслу и перекупной мягкой рухляди и божьих семидесять семь соболей с пупки и с хвосты да перекупных пятьдесят семь пупков собольих» (РГАДА, ф.1177, оп.4, д.837, л.35 об. — 36).

А в Илимской таможенной книге в 1668 году была сделана следующая запись: «Ноября в 5 день явился промышленой человек Кирилко Иванов, устюжанин. Явчего с него — алтын. Указных пошлин восемь алтын две деньги. Итого явчих и указных пошлин девять алтын две деньги взято.

Он же отпущен с Ленского волоку из Ылимского острогу ис таможни на великую реку Лену. А у него товару и денег нет.

Отъезжего четыре деньги, печатного гривна. Итого отъезжих и печатных пошлин четыре алтына взято» (РГАДА, ф.494, оп.1, ч.1, ед. хр.11, л. 4–4 об.).

Надо думать, что, будучи промышленным человеком, Кирилко Иванов не раз ходил «на Русь», отвозя туда добывшую в Сибири соболиную «рухлядь».

В 1650–1660-х годах в Берендиловской деревне жил «вольный пашенный крестьянин» Ивашко Степанов. Он записан в пе-

реписной книге и за 1671 год, но там же было сказано, что с 180 (1671–1672) года пахала его вдова Марфутка Захарова дочь. На этой вдове и женился давно уже обитавший в тех местах Кирилко Иванов. В 1671 году тобольский сын боярский Ушаков составил перепись крестьян, в которой записано: «Кирилко Иванов сын с пасынки с Терешкою с Савкою» (РГАДА, ф.214, кн.580, л.480).

В 1673 году перепись крестьян была составлена приказным человеком Чечуйской волости сыном боярским Иваном Хвостовым. В Берендиловской записано среди прочего: «Двор, а в нем живут бывшаго пашенного крестьянина Ивана Степанова дети: Терешка, женат, да брат его Савка десяти лет. Да с ним ж живет вотчим их Кирилко Иванов» (РГАДА, ф.1177, оп.3, ч.II, д.1402, л.22).

А у Федора Пущина, чечуйского приказчика, в переписи того же 1673 года Кирилко Иванов был записан дважды. Первый раз как пашенный крестьянин, а второй — среди промышленных людей: «Да промышленых людей, которые женаты, а живут в Чичойской волости: <...> Кирилко Иванов унжак. А живет по записи на срочные годы у мельнику Ортюшки в работниках» (РГАДА, ф.1177, оп.3, ч.III, д.1915, л.10).

Эта запись интересна в том отношении, что Кирилко Иванов назван унжаком, а не устюжанином. Река Унжа впадает в Волгу напротив города Юрьевца, между Кинешмой и Нижним Новгородом. В XVII веке земли по Унже относились к Галичскому уезду. Начало же свое река брала на границе с Устюжским уездом. Значит, родина Кирилки Иванова была где-то недалеко от верховьев Унжи. Места выхода часто писали по-разному. Ярофея Хабарова тоже писали двояко, то устюжанином, то выходцем из Соли Вычегодской.

Что же касается мельника Ортюшки, то его звали Ортюшка Иванов. Он был поселен в пашню в Чечуйске в 1668 году. Его потомки получили фамилию Мельниковых. В Чечуйске таких было много вплоть до XX века.

Поскольку в начале 1670-х годов Терешка Иванов был уже женат, то он скоро отделился от отчима. В последующих по времени документах РГАДА Кирилко Иванов упоминается уже со своими сыновьями: Микиткой, Офонькой и Илюшкой. В 1680–1690-х годах он пахал «на великих государей полдесятины ржаные да четъ десятины яровые. А пахотные под ним земли 6 десятин, а сенных покосов на 20 копен» (РГАДА, ф.214, кн.1106, л.634).

В 1696 году в списке крестьян Чечуйской волости он отмечен с прозвищем, как Кириушка **Лыха**. А в ужинной книге за 1698–1699 годы впервые записан в деревне Берендиловской как Кирилко **Лыхин**.

Прозвище Лыха, повторяющееся во втором поколении, дает нам основание предположить, что у Кирилки Иванова оно имело уже характер родового. В 90-е годы XVII века происходит трансформация родового прозвища в прозвищное отчество Лыхин, а в последующих поколениях — в фамилию Лыхин.

В начале XVIII века Кирилко Иванов Лыхин уже не упоминается. Так, в 1701 году без указания деревни записан «Микитка Лыхин», в 1703 и 1705 годах — «Никита Кирилов з братьями». В 1707 году в деревне Берендиловской — «Микита Лыхин з братом».

По всей видимости, около 1700 года Кирилко Иванов Лыхин умер. Но на ленской земле остались его дети:

Микитка (род. ок. 1673).

Офонька (род. ок. 1678).

Илюшка (род. ок. 1681).

IV. Афанасий Кирилов Лыхин (ок. 1678 – до 1727)

Родился около 1678 года. Долгое время в моем распоряжении была единственная выписка из архивных документов, связывавшая поселившегося в деревне Берендиловской Кирилку Иванова Лыху с его внуком Корнилом Лыхиным. В 1727 году в книге подушного семигривенного сбора Илимской воеводской канцелярии в деревне Берендиловской упоминаются:

«Никита Лыхин 50 [лет]

у него сын Иван 8

у него племянники Иван 17

Корнило 15

Никифор 14

Иван 9» (РГАДА, ф.494, оп.1, ч. I, д.225, л.203–203 об.).

Из этой записи следует, что отцом Корнила был либо Офонька, либо Илюшка Лыхины, но к тому времени их обоих, похоже, уже не было в живых.

Поиски документов, проясняющих вопрос об отце Корнила, в течение длительного времени или не давали никаких результатов, или повторяли уже известное. Так, например, в «ведомости» 1750 года о «положенных в подушной оклад государственных крестьян» по деревне Беренгиловской перечислены:

«Никита Лыхин

сын Иван

у них племянник Иван

Корнило

Никифор

Иван

у них дети Потап

Николай

Иван
Григорей
Василий
Прокопей
Семен
Семен же

Филип» (РГАДА, ф.494, оп.1, ч.I, ед.хр.1607, л.410 об.).

Эта запись добавляет лишь правнуоков Кирилки Иванова Лыхи и свидетельствует о том, что новый род на ленской земле — род Лыхиных — благополучно укоренился.

Разрешился вопрос неожиданно и не с помощью материалов архива древних актов в Москве, как ожидалось. В сохранившейся в Государственном архиве Иркутской области метрической книге Сполошинского погоста Спасской церкви за 1778 год была найдена следующая запись: «28 января венчан Сполошенского приходу деревни Кобелевской крестьянин Василий Никитин сын Немытышев [с] Чечуйского приходу деревни Берендиловской умершаго крестьянина Корнила **Афанасиева** Лыхина з дочерию ево девицею Маврою первым браком» (ГАИО, ф.50, оп.3, д.10, л.173 об.).

Эта запись позволила связать всю родословную цепочку воедино: сообщенные Г.Б. Красноштановым сведения соединились с моими посредством обнаруженных к тому времени материалов двух ревизских «скасок» — 1762 (3-я ревизия) и 1795 (5-я ревизия) годов.

Женат Афанасий Кирилов Лыхин был на Марфе Еремеевой (род. ок. 1674 г.). По материалам ревизии 1762 года она значилась «вдовой» 88 лет и жила в семье младшего сына Ивана. Их детьми были:

Иван (род. ок. 1702 – ум. в 1756).

Корнило (род. ок. 1704).

Никифор (род. ок. 1705).

Иван (род. ок. 1710).

V. Корнило Афанасиев Лыхин (ок. 1704 – до 1778)

По материалам третьей, 1762 года, ревизии Корнилу Лыхину — пашенному крестьянину «Чечуйского острогу деревни Берендиловской» — было 58 лет. Там же значилось: «У Корнила жена Анна Кирилова дочь пятидесят четырех лет. Взята в замужество Якуцкого Спасского монастыря деревни Захаровой умершего вкладчика Кирила Сергеева по добровольному с обоих сторон договору» (РГАДА, ф. 350, оп.2, д.1045, ч.II, л.856). «У них дети»:

Прокопей (род. ок. 1728 – ум. 10 марта 1777).

Семён (род. ок. 1735).

Семён (род. ок. 1740 – ум. в 1756).

Филип (род. ок. 1740).

Пётр (род. ок. 1746 – ум. 7 октября 1802).

Дарья (род. ок. 1748).

Лука (род. ок. 1749).

Марфа (род. ок. 1752).

Мавра (это она 28 января 1778 года бракосочеталась с крестьянином Кобелевской деревни В.Н. Немытышевым).

VI. Семён Корнилов сын Лыхин (ок. 1735 – 11 мая 1797)

Родился около 1735 года. В «Описании реки Лены», составленном в том же 1735 году членом Второй Камчатской экспедиции Ильей Яхонтовым, о родной деревне Семёна Корнилова (вместе с не отдельявшейся в документах д. Лыхиной) записано: «Берендилова деревня на левом берегу Лены. В ней 14 дворов крестьянских. Она[я] деревня продолжается на версту» (РГАДА, ф.199, оп.2, № 517, ч.1, портфель 1, д.20, л.32 об.).

Женился Семён Корнилов в возрасте не раньше 27 лет (по материалам 3-й ревизии в июне 1762 г. он был холост). В 1795 году ему значилось 59 лет. «У него жена Афимья Иванова дочь» 56 лет. Скончался Семён Корнилов Лыхин 11 мая 1797 года. Его детей и внуков в деревне стали называть «Семёновскими», «Семёновух».

Дети:

Степан (род. ок. 1765).

Матрёна (1 января 1791 года она бракосочеталась с Ермилом Дмитриевым Горбуновым из Берендиловской деревни).

Дарья (вышла замуж «Чечуйской волости деревни Пущиной за крестьянина Андрея Никитина»).

Матрёна (род. ок. 1772, «выдана в замужество Киренского округа Подкаменской волости деревни Мысовой за крестьянина Василья Кузнецова»).

«Феоктистия» (род. 9 ноября 1775).

Епистимия (род. ок. 1778).

VII. Степан (Стефан) Семёнов сын Лыхин (ок. 1765 – после 1830)

По материалам 5-й ревизии 1795 года, ему было 29 лет (в 1782 г. — 17 лет). Жена — Гликерия Андреева дочь. Родилась она около 1770 года. «Взята сего [Чечуйского] острогу деревни Мудинской у крестьянина Андрея Кормадонова» (ГАИО, ф.9, оп.1, д.166, л.513 об.). Бракосочетались около 1789 года.

На март 1830 года Степан Лыхин был еще жив. 29 числа того месяца и года он стал крестным отцом у своего внука Симеона Зиновьевича. «Крестьянская жена Гликерия Андреева Лыхиних» умерла 24 марта 1832 года.

Дети:

Зиновий (род. 30 октября 1795).

Ульяна (род. в 1789 или 1790, 27 января 1815 г. бракосочеталась с берендиловским крестьянином Иваном Митрофановым Тетериным).

Евдокия (род. 25 февраля 1798).

Евдокия (род. 27 февраля 1800).

Василий (род. 8 марта 1802 – ум. 5 апреля того же года).

Евдокия (род. 30 февраля 1803).

Марко (род. 28 марта 1805 – ум. 18 июля 1806).

Ирина (род. 14 апреля 1807).

Кириак (род. 19 сентября 1809 – ум. 25 августа 1819).

Евдокия (род. ок. 1814 – ум. 28 марта 1819 «от кори»).

Летом 1810 года в пяти верстах от деревни Беренгиловской (так она стала именоваться в XIX веке) была построена и освящена двухэтажная каменная Петропавловского погоста Спасская церковь. Из прихода Чечуйской Воскресенской церкви деревня перешла в приход новой церкви, в метрических книгах которой отныне стали записываться сведения о рождающихся, сочетающихся браком и умирающих беренгиловских жителях.

VIII. Зиновий Степанов сын Лыхин (30 октября 1795 – 18 марта 1840)

Родился 30 октября 1795 года. Жена — Екатерина Григорьева дочь (урожденная Никитина). В метрической книге Петропавловской Спасской церкви на 1820 год выполнена такая запись: «19 января. Венчан Беренгиловской деревни крестьянин Зиновий Степанов сын Лыхин [с] Киренского прихода Салтыковской деревни крестьянина Григория Яковлева Никитиных дочерью девицей Экатериной первым браком». Умер Зиновий Степанов 45 лет «от горячки» 18 марта 1840 года.

Дети:

Виктор (род. ок. 1821 – ум. до 1880).

Иван (Иоанн) (род. 7 ноября 1822).

Анисия (род. 25 декабря 1825 – «умре 6 дней» 1 января 1826).

Панфил (род. 14 февраля 1827 – ум. после 1888)

Ксения (род. 18 января 1829 – ум. 25 января того же года).

Семёнов (Симеон) (род. 29 августа 1830, его крестным отцом стал дед «Стефан» – ум. до 1880).

Елена (род. 7 мая 1833 – ум. 10 августа того же года).

К XIX веку деревни Берендиловская и Лыхинская, разрастаясь, слились воедино. В документах того времени указывалось только одно название — Берендиловская (Беренгиловская). Од-

нако, по воспоминаниям стариков, нижний конец деревни по-прежнему сохранял название Лыхинского.

В середине XIX века жители деревни Беренгиловской, расположенной на самом берегу Лены («на яру у Верхней Курьи») и поэтому часто страдавшей от весенних наводнений, вынуждены были начать переселяться подальше от реки. При этом деревня разделилась на два самостоятельных поселения, расположившихся в одной версте от берега и на таком же расстоянии друг от друга. Часть жителей стала обустраиваться на веретье (возвышенном месте) за большим логом напротив старой деревни. Это поселение сохранило название Беренгиловской деревни. Другие решили обосноваться на взлобочке немного в стороне, на версту ближе к селу Петропавловскому. Эта деревня стала называться Лыхинской. Разделение деревень зафиксировано «предписанием» Иркутской казенной палаты от 14 октября 1852 года за № 9430. В 1855 году в деревне значилось 12 крестьянских дворов, в которых жило 49 мужчин и 39 женщин.

Большая часть Лыхинских переехала в Лыхинскую деревню, хотя некоторые из них поселились и в Беренгиловской. Сыновья умершего к тому времени Зиновия Степановича Лыхина Виктор, Иван, Панфил и Семён стали жить одним хозяйством в деревне Лыхинской.

Процесс переселения растянулся не на один год. По свидетельству местных старожилов, последние жители покинули «старую» Беренгиловскую деревню после больших наводнений 1915 и 1918 годов. Сегодня место этой деревни у «Жижиной проточки» обозначается как «Ермолкина пашня».

IX. Иван Зиновьевич Лыхин (7 ноября 1822 – ок. 1900)

Родился 7 ноября 1822 года в деревне Беренгиловской. Жена — Екатерина Лазаревна (урожденная Березовская). Родилась 30 октября 1819 года в деревне Сукнёвской. Метрическая книга Петропавловской Спасской церкви в части «о бракосочетавшихся» содержит следующую запись, выполненную 11 июля 1855 года: «Лыхинской деревни крестьянин Иван Зиновьев Лыхин, православного исповедания, первым браком, 33 [лет]. Девица Екатерина Лазарева дочь Сукнёвской деревни умершего крестьянина Лазаря Петрова Березовского православного исповедания, 36 [лет]».

По сохранившимся рассказам, Иван Зиновьевич сначала ходил на заработки в село Качуг, расположенное вверх по реке Лене. Оттуда он сплавлял грузы на плоскодонных суднах-карбазах вниз по реке. Но потом его якобы пристыдили хозяин: «Ты что, Иван Зиновьевич, хочешь у меня весь хлеб заработать? Почему не сеешь свой?» И он занялся раскорчевкой тайги. Свободных земель в пой-

ме Лены тогда уже не хватало. Поэтому он стал корчевать лес на начинаяющихся от поймы увалах, в месте, называемом «Гарью» и располагавшемся на склоне у небольшой речушки, примерно в километре от деревни. С тех пор и возникли названия по уличной фамилии братьев Зиновьевичей, идущей от прадеда Семёна: «Семёновых гарь», «Семёновых речка» (ныне речка Мостовка), «Семёновских чистка». Следом и другие мужики деревни Лыхинской стали устраивать там себе пашни. (Сегодня здесь, рядом с проложенной отсыпной дорогой из с. Петропавловска в д. Вишнякову, находится совхозная пашня. Одна из полос этой пашни площадью в 6 гектаров 30 соток, недалеко от Лыхинского кладбища, до сих пор носит название Семёновской.)

Иван Зиновьевич был колоритной фигурой. Силу воли он имел железную. Его слово было законом для всей многочисленной семьи вместе живущих братьев. Всех он принуждал корчевать пни и распахивать новую землю. В семье был установлен суровый порядок. Никто не смел его ослушаться. Уклоняющиеся от работы брали за руку и выбрасывали из-за стола: «Кто не работает, тот не ест!» (От старииков сохранился рассказ, что дочери не хотели ходить на раскорчевку тайги, заявляя, что они выйдут замуж и им ничего не достанется.)

Да и вся деревня считалась с мнением Ивана Зиновьевича и побаивалась его. По воспоминаниям лыхинских старожилов, был он «среднего роста, очень плотный и имел богатырскую силу», за которую прозвали его «Утёсом», а детей его и внуков — «утёсицами» или «чембалятами» (по Чембалову утесу на р. Лене между Чечуйском и Вишняковой). Кроме того, звали их и «крохалиями». «А произошло это прозвище от того, что наш прадед с семьей корчевал пни на речке. И говорили о них: “Копаются, как крохали”».

Старики свидетельствовали, что Иван Зиновьевич сбивал кулаком с ног коня и одним взмахом сшибал кочни с барочных гребей сколько их попадало под руку. Обычные же люди не могли сбить и одной. (Кочни — это целый ряд деревянных спиц, за которые держались люди, чтобы грести пяти-шестиметровыми веслами на барках.) Однажды в драке он кулаком убил человека. За убийство его не посадили в тюрьму, но предупредили, что в случае повторения драки с убийством — посадят.

Занимался Иван Зиновьевич и охотой. Как-то зимой он заблудился и вернулся в зимовье через два дня. Спрашивают его: «Где был? Почему долго не возвращался?» Он только коротко ответил: «Не разговаривай, чай вари!»

Старики рассказывали: «Прибежим мы, дети, к вам в избу. Он крикнет: “Брысь, осённые поросёнки”, и мы выскакиваем на улицу».

Последние годы Иван Зиновьевич жил вдовцом, жена его Екатерина Лазаревна умерла до 1880 года. Сам Иван Зиновьевич скончался лет восьмидесяти, где-то около 1900 года.

Дети:

Егор (Георгий) (род. 1 апреля 1857).

Михаил (род. 2 июля 1860).

Анна (род. 16 октября 1864).

Х. Егор (Георгий) Иванович Лыхин (1 апреля 1857 – 6 апреля 1917)

Родился 1 апреля 1857 года в деревне Лыхинской. В метрической книге Петропавловской Спасской церкви записан как «Георгий». Народная форма этого имени, ставшая документальной, — Егор. Жена — Марина Ивановна (урожденная Романова). Родилась 4 июля 1864 года в деревне Сукнёвской. Бракосочетались 12 января 1883 года. В метрической книге Петропавловской Спасской церкви записано: «Жених Петропавловской волости Лыхинского селения крестьянин Георгий Иоаннов Лыхин, вероисповедания православного, первым браком, 24 [лет]. Невеста Сукнёвского селения крестьянская дочь девица Марина Иоаннова Романова, вероисповедания православного, первым браком, 19 [лет]».

По сохранившимся рассказам, Егор Иванович был не развит и даже умственно несколько ограничен, но, как и отец, физически тоже силен. Всю жизнь семья его провела в бедности. Возглавляла семью жена, Марина Ивановна.

Прожил Егор Иванович 60 лет и умер 6 апреля 1917 года «от чахотки». Был похоронен «на приходском кладбище» в селе Петропавловском. Его внук, Н.И. Лыхин (1914 г. рождения), вспоминал: «Деда, Егора Ивановича, помню очень смутно. Мне было не более двух-трех лет, когда он меня кормил ядрами кедровых орехов. Налущит их и тычет пальцем по столу, приговаривая: “Тип-тип”, как зовут цыплят». Последние годы Егор Иванович болел (ослеп?) и почти не работал, лежал в полушибке на гобчике у печи. Марина Ивановна скончалась после 1925 года.

Дети:

Пётр (род. 19 июня 1884 – ум. 1 августа того же года «от склератины»).

Иннокентий (род. 7 февраля 1886 – ум. 15 февраля того же года).

Елена (род. ок. 1887 – ум. 4 июня 1915 «от неправельных родов»).

Иван (род. 23 января 1888).

Никита (род. 25 сентября 1894, в 1938 был репрессирован, умер в лагере на Колыме в 1942).

Николай (род. 19 декабря 1897 – ум. 25 декабря 1985 в Киренске).

Степан (род. ок. 1900 – ум. в 1950–1960-х в Олёкминске).
Зоя (род. ок. 1907 – ум. ок. 1959 в Олёкминске).

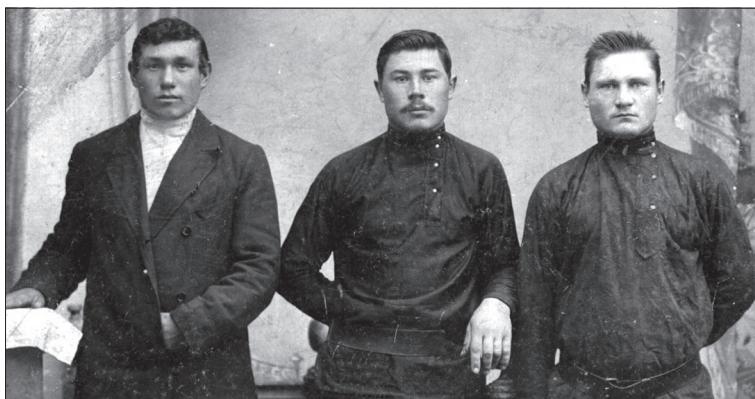
XI. Иван Егорович Лыхин (23 января 1888 – 6 августа 1976)

Родился 23 января 1888 года в деревне Лыхинской. В родительской многодетной семье (выжило шестеро детей) он был старшим сыном. Семья жила бедно, поэтому ни о какой учебе думать не приходилось. Своего хлеба семье хватало только до Рождества. А покупать хлеб было не на что. Поэтому лет в 11 его отдали в батраки. Был работником у зажиточного крестьянина Хохлушкина в деревне Вишняковой, потом в деревне Банщиковой у богача Дмитриева. Вместе с другими работниками он ухаживал за скотом, исполняя другие работы по дому и хозяйству — все, что заставят хозяева. Заработанные деньги шли на пропитание родительской семьи. «Шесть лет ходил по работам», — вспоминал он сам.

В 1905 году 17-летний Иван «ушел в Воронцовку» — в пароходство (Воронцовский затон на р. Витим близ с. Мама). Проплавал по Лене и Витиму, сначала матросом, потом штурвальным, семь лет. Зимой возвращался в деревню, работал в родительском хозяйстве. Силой налился. Рассказывали про него: «Якорь в 15 пудов 15 фунтов [250 с лишним кг. — Ю. Л.] на корабль занес по спору. Трое не могли занести. Он идет мимо, смеется:

- Чо вы там возитесь?
- А ты попробуй утащи.
- И уташшу.

Положили на него якорь, он на трап встал — тот прогибается так, что думали лопнет. Взмок весь, но занес. Плечи потом, говорит, неделю болели. Отдавило».

*Иван Егорович Лыхин
(в центре, слева — Сукнёв? справа — Романов?). 1913 г.*

В 25 лет женился на Харитине Дмитриевне Таракановой (род. 19 сентября 1886 г. в с. Спорошинском) и с этого времени всецело «занялся крестьянством».

15 августа 1915 года был взят «на войну», но в боевых действиях участия не принимал. Служил в Чите «ратником ополчения», охранял иностранных военнопленных. О пленных вспоминал с уважением, говоривал: «Хорошие люди — немцы». Один из них научил его писать мало-мало. Удивлял немцев своей силой. Возьмет, бывало, двоих руками, третьего на голову посадит и по казарме пронесет. Немцы только головами качают.

Часто рассказывал об одном из армейских случаев: «В полку забава была — боролись. При командаирах. От роты одного, самого сильного, выставляли: «Кто такого-то поборет?» До трех раз боролись. Однажды оборол я известного борца, силой задавил. Тот, видать, обиду затаил. Подпил и в казарму пришел драться: «Я Лыхина угроблию!». Схватились на бетоне. Я как взял его на отмашку да оземь бросил, тот пятку и раздробил. А в сапогах были. Его комиссовали потом. А по полку приказ вышел: Лыхину не бороться больше».

В 1918 году вернулся домой, в родную деревню и вновь принялся крестьянствовать в общей родительской семье. Где-то в 1922 году семья умершего к тому времени Егора Ивановича Лыхина разделилась. Иван Егорович с женой и двумя детьми поселился в приобретенной старенькой, наполовину склонившей «избёнке». По разделу ему достались лошадь и годовалый жеребенок, корова, овца, вскоре сдохшая, свинья, плуг да маленький клочок земли. Хозяйство бедняцкое.

Трудное это было время для Ивана Егоровича. Пришлось заняться строительством нового дома и хозяйственных построек, раскорчевывать землю, пахать и сеять. Работа от зари и до зари.

**Земляки на военной службе
(слева направо): И.Е. Лыхин, Д.Г.
Березовский, Х.И. Горбунов, Н.К.
Тараканов. Чита, 1916 г.**

**Иван Егорович Лыхин.
1930-е гг.**

Его «восстановили» в Киренске, но хлеб уже не вернули. После этого возвратился в деревню, в которой устраивалась колхозная жизнь. С началом Великой Отечественной войны полуграмотный, но «умный мужик» Иван Егорович стал председателем колхоза. Под его руководством коллективное хозяйство успешноправлялось с трудностями военных лет и, несмотря на нехватку мужчин, строилось, снимало хорошие урожаи. Если в соседних колхозах голодали, то в Лыхиной (так, сокращенно, стали называть Лыхинскую и другие ленские деревни в советское время) на заработанные трудодни делили достаточно хлеба и других продуктов.

Однако руководящая должность давалась не просто. На нервной почве Иван Егорович нажил язву желудка и по окончании войны, после операции, от председательства отказался. Вновь стал простым колхозником, долгие годы работал конюхом.

Выходя на пенсию, Иван Егорович, получая сначала 16, а потом 20 рублей, остался доживать в умирающей деревне. В связи с проводившейся кампанией укрупнения сельских хозяйств жители небольших деревень стали активно переезжать в центральные усадьбы или вообще покидать родные места. В 1969 году в Лыхиной было «домов 30, а живут только в трех. На улице ни од-

ного к концу 1920-х годов построился, обзавелся двумя лошадьми, двумя коровами, свиньями, полным хозяйством.

Пришло время колхозификации. «Окулачивание началось. Я крепко работал, и меня начали окулачивать. Отдал 220 пудов хлеба... Пришло время, подушки начали описывать». В это время Иван Егорович был в извозе в Бодайбинском районе. Узнав о происходящем в деревне, не стал возвращаться. «Я там зажил хорошо... 1 год и 4 месяца прожил там. Сын пишет, что плохо живем. Я получился как отходник. На присках работал на складе, благодарности давали... Вином не захлебывался».

Родные стали собирать справки, что он никого не эксплуатировал, что сам батрачил.

**Харитина Дмитриевна Лыхина (урожденная Тараканова).
Середина 1950-х гг.**

ногого человека. Тишина, только кое-где скрипят оборванные двери. Веет мертвым», — так описывала деревню в своем экспедиционном дневнике Р.В. Долганова, член Ленской историко-этнографической экспедиции Иркутского госуниверситета.

Летом 1970 года самыми последними из жителей некогда большой деревни Иван Егорович и Харитина Дмитриевна покинули Лыхину и переехали в село Петропавловск. В мае 1976 года к ним приехали сыновья и предложили забрать их с собой. Иван Егорович отказался, сказав: «Я здесь помирать буду». Скончался он 6 августа 1976 года и был похоронен на давно облюбованном месте лыхинского кладбища рядом с могилой своей матери. Харитина Дмитриевна же уехала с сыном Николаем в город Куйбышев (ныне г. Самара). Там она и умерла 27 апреля 1980 года.

Вспоминая об Иване Егоровиче Лыхине, нельзя не упомянуть о том, что был он непревзойденным рассказчиком, знаяшим огромное

Иван Егорович Лыхин. 1971 г.

множество разных былей, баек, прибауток и т. п. Такие люди были редкостью. С большим удовольствием он рассказывал все это тем, кто готов был его слушать. Недаром известная иркутская исследовательница сибирского фольклора Е.И. Шастина, встретившая Ивана Егоровича в Петропавловске незадолго до смерти, пишет о нем как о «сказочнике» и в качестве эпиграфа к одной из глав своей книги «Сказки и сказочники Лены-реки» приводит его слова: «Сказка — это умственности последствие».

Дети:

Николай (род. 3 мая /по паспорту – 18 мая/ 1914 – ум. 17 августа 2001).

Пётр (род. 25 июня /по паспорту – 16 июня/ 1919).

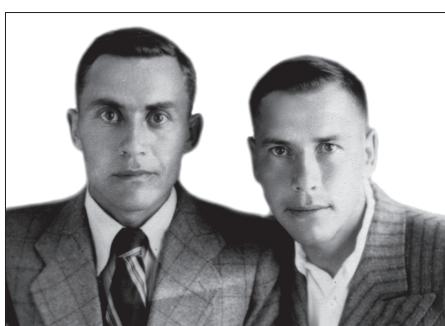
XII. Пётр Иванович Лыхин (род. 25 /16/ июня 1919)

Родился 25 июня (по паспорту – 16 июня) 1919 года в деревне Лыхиной. В школу пошел восьми лет. Учился в начальной трехлетней школе в родной деревне (1927–1930), затем, с четвертого класса, — в деревне Алымовка (40 км по р. Лене в сторону Киренска). В пятом классе доучился только до весны и сбежал, не поладив с хозяйкой, у которой жил на квартире. В это время рядом, в селе Петропавловске, открылась школа-семилетка. Записавшись в нее, вновь пошел в пятый класс. В 1935 году, окончив семилетку, поступил в дорожно-строительный техникум в Якутске, но через год перевелся в Якутский техникум пушно-мехового хозяйства. Учился на учетно-плановом отделении.

Техникум окончил летом 1940 года, получив специальность бухгалтера-плановика. После учебы возвратился в деревню, где работал в колхозе. Затем вернулся в Якутск, с лета 1941 года работал помощником бухгалтера в «Якутторге». В следующем году был взят в армию и послан в Иркутскую военную авиационную школу авиамехаников, в которой

учился с июля 1942 по ноябрь 1943 года. После продолжал службу в Бирмском военно-авиационном училище летчиков (г. Черногорск Красноярского края). В качестве авиамеханика обслуживал самолеты с поршневыми двигателями — истребители «Як». В декабре 1945 года был демобилизован в звании старшего сержанта и вернулся в родную деревню.

В 1946 году вновь уехал в

**Братья Николай Иванович и
Петр Иванович (справа) Лыхины.
Якутск, 1948 г.**

Якутск, снова работал бухгалтером в магазинах «Якутторга». Затем в течение шести месяцев учился на курсах повышения квалификации при Якутском техникуме потребкооперации на старшего бухгалтера. Окончив курсы летом 1948 года, поехал по системе потребительской кооперации «Холбос» в поселок Мухтуя (ныне г. Ленск). Заболев там (нервы), бросил работу и вернулся домой.

В 1949 году уехал в Одессу, где на китобойной флотилии «Слава» работал его друг «Васька» Березовский. Пока оформлялся допуск за границу, трудился счетным работником в бухгалтерии. После получения допуска из-за открывшегося воспаления легких пройти медкомиссию для работы в китобойной флотилии не смог. Тогда устроился матросом в Советско-Дунайское государственное пароходство и на дизель-тягаче «Саратов» отправился в плавание по реке Дунаю. С осени 1950 до лета 1951 года побывал в Румынии, Югославии, Венгрии, Чехословакии. О Чехословакии (в г. Комарно простояли на ремонте четыре зимних месяца) остались особенно хорошие воспоминания.

В конце 1951 года приехал на прииск Светлый Бодайбинского района Иркутской области. Работал экономистом в приисковой конторе. Здесь познакомился с литовкой Еленой Францевной (Элена Прано) Диржюте, 2 ноября 1954 года ставшей его женой. Со Светлого, где родился сын Юрий, молодая семья в 1955 году переехала на прииск Кропоткин. Работал там экономистом-нормировщиком в разных конторах системы треста «Лензолото».

Летом 1963 года состоялся новый переезд — в районный центр, город Бодайбо. В это время в семье было уже трое детей. Трудился нормировщиком в техснабе треста «Лензолото», затем инженером нормативно-исследовательской группы в управлении треста. В конце 1969 года попал под сокращение и ушел на рабочую должность — плотником РСУ (ремстройучастка). На пенсию вышел в 55 лет, как было положено в районах, приравненных к Крайнему Северу.

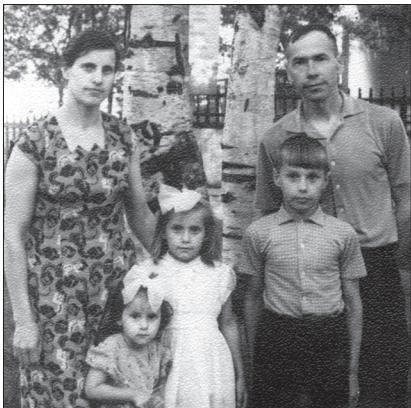
Летом 1974 года покинул Бодайбо и вместе с семьей уехал из Сибири. В течение последующих 11 лет жил в Литве, в Молдавии (г. Тирасполь), в Украине (г. Геническ и Черновцы). Осенью 1985 года, поменяв черновицкую квартиру на квартиру в Иркутске, вместе с женой вновь перебрался в Сибирь к дочери и сыну. Затем снова несколько лет жизни в Литве, наконец, осенью 1992 года окончательно вернулся в Иркутск. Жена со второй дочерью осталась в Литве. Так сложилась жизнь.

Дети:

Юрий (род. 12 октября 1954).

Нина (род. 21 июня 1957).

Ирина (род. 14 января 1961).

Семья Лыхиных (справа налево): Петр Иванович, Юра, Нина, Ирина, Елена Францевна.
Бодайбо, 1964 г.

XIII. Юрий Петрович Лыхин (род. 12 октября 1954)

Историк, автор сей статьи.

К началу XX века жившие в одной деревне и носившие одну фамилию, но относившиеся к разной «родове» Лыхины считались не больше чем однофамильцами. Род настолько разветвился, что для того чтобы определить «чей это Лыхин», необходимо было добавлять так называемую уличную фамилию: Лыхин «Ванчиковых», «Евдокимовских», «Евсеевских», «Егоровых», «Ерасовых», «Семёновских», «Фановских», «Щёголевых». (Кстати заметить, на сегодня прослежены все линии, кроме «Щёголовых».)

Продолжая поиски корней рода Лыхиных в европейской части России, удалось обнаружить еще более древние свидетельства по сравнению с XVII веком. Н.М. Тупиков в своем «Словаре древнерусских личных собственных имен» упоминает крестьянина из северо-восточной России Федора Лыхина — 1558 год, и новгородца Ивана Борисова сына Лыхина, убитого («до смерти убиша») в 1359 году во время междуусобия в Новгороде.

Предпринятая летом 2002 года поездка по Костромской (р. Унжа) и Вологодской (Великий Устюг) областям показала, что в местах «исхода» Лыхиных в Сибирь эта фамилия среди коренных не встречается. Тогда стало любопытно проследить географию распространения фамилии. Начавшаяся в этом направлении работа дала следующие предварительные результаты.

В XVIII веке фамилия крестьянина А. Лыхина упоминается в Западной Сибири в связи с расследованием дела о Толоконцевской гари (1736 г.). В показаниях А. Лыхина было подробно зафиксировано учение Ивана Смирнова — старообрядца-беспоповца, одного из главных идеологов и руководителей Тарского бунта 17 мая 1722 года. Его скит, расположенный на реке Ишиме неподалеку от Тары, стал важным центром сибирского старообрядчества наиболее радикального толка. Попавший под следствие А. Лыхин был учеником Ивана Смирнова.

В Восточной же Сибири в XVIII веке Лыхины зафиксированы не только на реке Лене. В 1790-х годах ямщик Пуд Лыхин жил на

станции Зиминской, что по Московскому тракту близ реки Ангара. В метрических книгах Зиминской Троицкой церкви обнаружены записи о рождении его дочерей Елены и Авдотьи.

По материалам генеральной ревизии 1795 года, деревня под названием Лыхинская находилась в Верхолимской слободе «Киренской округи» Иркутского наместничества. Она располагалась на правом берегу Иlimа в месте впадения в него реки Большой Мячик в 189 верстах от «заштатного города Илимска». Однако в 1795 году Лыхины в ней не жили. По ревизской «скаске» в деревне значилось три хозяина: Осип Степанов сын Скуратов 62 лет, Егор Леонтьев сын Пушмин 54 лет и Иван Григорьев сын Барахтенков 38 лет. Они же значились «в подушном окладе» этой деревни во время предыдущей ревизии — 1782 года.

В течение всего XIX века деревня Лыхинская была небольшой и оставалась практически неизменной по количеству жителей. Так, в 1833 году в ней было три двора, в которых числилось 13 мужчин и 16 женщин, а в 1910 году она состояла из четырех хозяйств с числом душ 17 мужчин и 13 женщин. В середине XIX века, судя по метрическим книгам приходской Коченгской церкви во имя Алексея Божьего Человека, в ней продолжали жить Барахтенковы и Скуратовы. Просуществовала эта деревня, сохраняя свое название, примерно до середины ХХ века.

С XIX века немногочисленные Лыхины жили и живут по настоящее время по Ангаре в Мотыгинском и Богучанском районах Красноярского края.

Сначала XIX века (если не раньше) Лыхины жили и на вятской земле. Это второй крупный район обитания Лыхинских в нашей стране. В списке населенных мест Вятской губернии на 1836 год значился починок Лыхинский Котельничского уезда, который находился в 31 версте от города Котельнича (ныне это город, располагающийся на берегу р. Вятки в 87 км к юго-западу от г. Кирова). В Лыхинском починке было шесть дворов, проживало 23 мужчины и 19 женщин.

В списке населенных мест Вятской губернии 1859–1873 годов имеются сведения уже о нескольких починках Котельничского уезда под названием Лыхины: Лыхинский (Лыхины), находящийся в 35 верстах от г. Котельнича; Сергинской (Лыхины) в 36 верстах; Гордеевской (Лыхины) на речке Чёрной в 70 верстах; Грединской (Лыхины) на безымянной речке в 91 версте и Ключевской (Лыхины) в 118 верстах от того же Котельнича. В них было от четырех до восьми дворов с количеством жителей от 30 до 60 человек.

По списку населенных мест Вятской губернии на 1926 год в Котельничском уезде находились деревни Большое Лыхино(ы) в 14 дворов с 95 жителями, Малые Лыхины (10 дворов, 60 жителей) и Лыхины (22 двора, 128 жителей). Выходцев из этих дерев-

вень с фамилией Лыхины до сих пор много живет в Даровском и Котельничском районах Кировской области.

В ХХ веке картина расселения Лыхиных принципиально изменилась. К концу столетия все известные населенные пункты, носящие названия Лыхинских, исчезли с географических карт. Бурные события века «волкодава» привели к тому, что большинство Лыхиных было сорвано с родных мест и разнесено по белу свету. Несмотря на то что фамилия не относится к числу распространенных, сегодня ее можно встретить по всей России, бывшим советским республикам и далеко за границей.

Подводя итог изложенному, приведем напрашивающееся сравнение. Родословное древо Лыхиных, взрослое и укоренившееся на берегах реки Лены, не выдержало напора сурового времени. Корни его подломились, могучий ствол рухнул. Но далеко разлетевшиеся созревшие жизнеспособные семена здесь и там дают новые ростки... История продолжается.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ГАИО, ф. 9. Киренский земский суд.
ГАИО, ф. 50. Иркутская духовная консистория.
ГАИО, ф. 477. Чечуйская Воскресенская церковь.
ГАИО, ф. 696. Чечуйское волостное правление.
ГАИО, ф. 790. Объединенный фонд церквей Киренского уезда.
РГАДА, ф. 199. Портфели Миллера.
РГАДА, ф. 214. Сибирский приказ.
РГАДА, ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки.
РГАДА, ф. 494. Илимская воеводская канцелярия.
РГАДА, ф. 1177. Якутская приказная изба.
Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 88, с. 22.
Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. — М., 1996. — 478 с.
Покровский Н.Н. Новый документ по идеологии Тарского протеста // Источниковедение и археография Сибири. — Новосибирск, 1977. — С. 221.
Словарь русских народных говоров. — Л., 1981. — Вып. 17. — С. 227.
Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. — СПб., 1903. — Т. 6. — С. 688.
Шастина Е.И. Сказки и сказочники Лены-реки. — Иркутск, 1975. — С. 6.

МОЙ ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ РОДОСЛОВНОЙ

*Вадим Викторович Колпаков,
пенсионер, ветеран труда,
г. Москва*

Интерес к своей родословной у меня появился, как я считаю, слишком поздно. Исследователи творчества великого русского писателя и мыслителя Н.Г. Чернышевского (1828–1889) однажды обратились ко мне с предложением поделиться сведениями о моем прадеде А.Н. Пыпине (1833–1904), русском литератороведе и этнографе XIX века. Чернышевский и Пыпин в детстве и юношестве были друзьями, вместе учились, поэтому понятен интерес исследователей творчества Чернышевского к А.Н. Пыпину и его родословной. Таким образом, я, геолог, исследователь четвертичной геологии Сибири, оказался в крепких объятиях новой для меня науки — генеалогии. И я хочу поделиться опытом практического составления родословной.

Начинать свой генеалогический поиск следует с приведения в порядок, в систему тех сведений о своих предках, какие у вас есть. Прежде всего надо составить свой генеалогический паспорт. Он должен уместиться всего лишь на одном листе бумаги. Он выражается круговой диаграммой, отражающей имена, отчества, фамилии и жизненные даты ваших предков. Вокруг центрального кружка с именем, отчеством, фамилией и датой рождения владельца паспорта по концентрическим кругам расписываются данные родителей — отца и его предков сверху и матери и ее предков снизу. Получаются круги: дедовский четырехчастный, прадедовский — восьмичастный и т. д., пока не иссякнут ваши данные (рис. 1).

Чтобы расширить паспорт дальше, потребуется разыскивать и опрашивать всех родных и знакомых, способных назвать еще какое-то имя. Для этого обычно созваниваются, списываются, встречаются, знакомятся, ездят по городам, селениям и весям, узнают от одних о других, наводят мосты — в общем, делают длительную и изнурительную, но всегда благодарную работу. Подар-

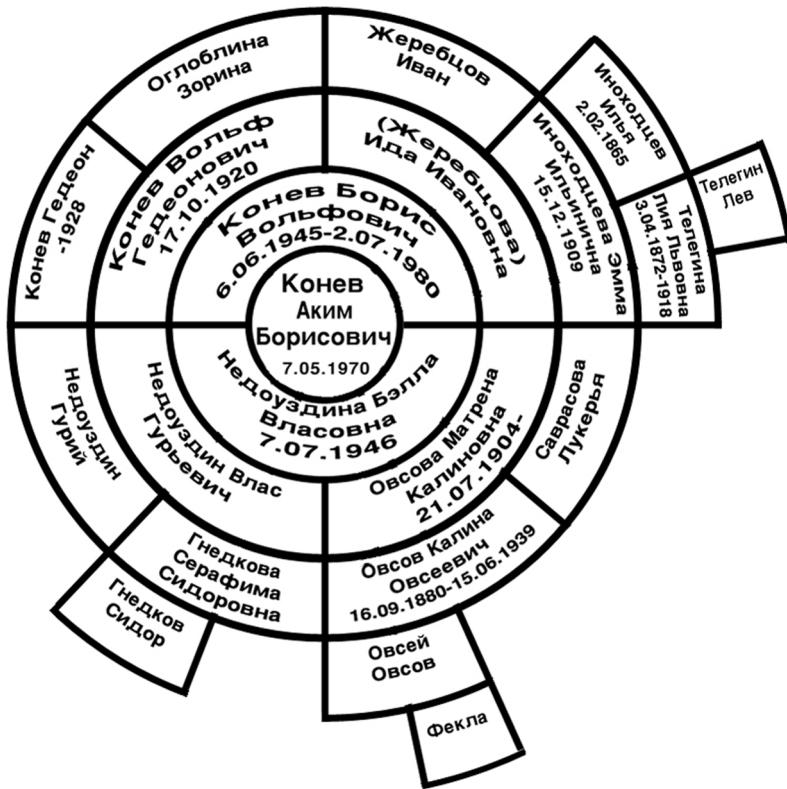

Рис. 1 (на рисунках фамилии вымышленные)

ком для вас будет, если вы найдете у кого-то генеалогические записи или встретите хорошего знатока и рассказчика.

Интересны встречи с самыми дальными родственниками: трех-, четырех-, пяти- и более юродными родичами. Уже то, что они не потеряны, свидетельствует в пользу вашего рода. Далекие родственники, особенно живущие далеко от вас, всегда владеют информацией, могущей существенно дополнить имеющуюся у вас.

Отнюдь не все родственники оказываются интересующими или способными заниматься генеалогией, а некоторые не имеют для этого свободного времени. Следовательно, если вы за это взялись, то вы становитесь историком всего вашего рода. Если у вас есть дети, то составьте генеалогические паспорта на них; если есть внуки, то и на них, помня, что все ваши предки яв-

ляются предками внука, но в их паспортах прибавится ваша супруга (супруг) с их предками и зять (невестка) со своими. Не упустите случая составить генеалогический паспорт для какого-нибудь младенца из боковой неблизкой ветви родственников, если, к примеру, на свадьбе, новоселье или еще по какому-либо случаю встретите его бабушек, дедушек, а то и прадедов. Узнав имени родителей и дедов, вы можете вписать в паспорт до пяти поколений предков того же младенца, сведения о которых, когда он повзрослеет, к нему уже не поступят.

Генеалогический паспорт — неофициальный личный документ человека, который может сыграть в его жизни большую роль.

У человека, принадлежавшего к сословию дворян, в том числе и служилых дворян Сибири, в верхнем углу паспорта рисуется герб рода. Если в роду есть знаменитые люди, отмеченные, например, в энциклопедиях, можно делать помету — потомок или родственник такого-то. Такие пометы помогают быстрее установить родство или свойство. Составитель паспорта визирует его своей подписью, датой, оставляя о себе память,ирующую уйти в века. При составлении генеалогического паспорта следует рассматривать вопрос: почему оказались забыты люди? Легче всего забываются люди, не заслуживающие чести, притом людьми, тоже не заслужившими чести. В этом вопросе определяющую роль играют разводы, дележи имущества, плохое поведение. Общей бедой явилось искоренение памяти коммунистами, преследовавшими потомков дворян, купцов, кулаков, духовенства, царских офицеров. Старшие по возрасту были вынуждены скрывать память о своих отцах и дедах от детей. Тем не менее ответственность за это ложится на старших, так как именно они должны преподать детям семейную историю и не дожидаться их запроса.

Генеалогический паспорт нацеливает человека продолжать поиски своих предков во все стороны. Однако число предков не может быть бесконечно большим. Это будет видно, если придать паспорту растровую форму (рис. 2). На этой форме появляются границы рода и демоса, выступают поколения или колена родства, становятся видны фамильная мужская линия и биологически цельная линия — мама от мамы, видны границы и пределы разбавления крови. Глядя на растровую схему, можно легко представить, как снижается число предков в результате близкородственных браков.

Следующим документом является родословное древо (рис. 3). В нем выделяются родоначальник (это условное понятие —

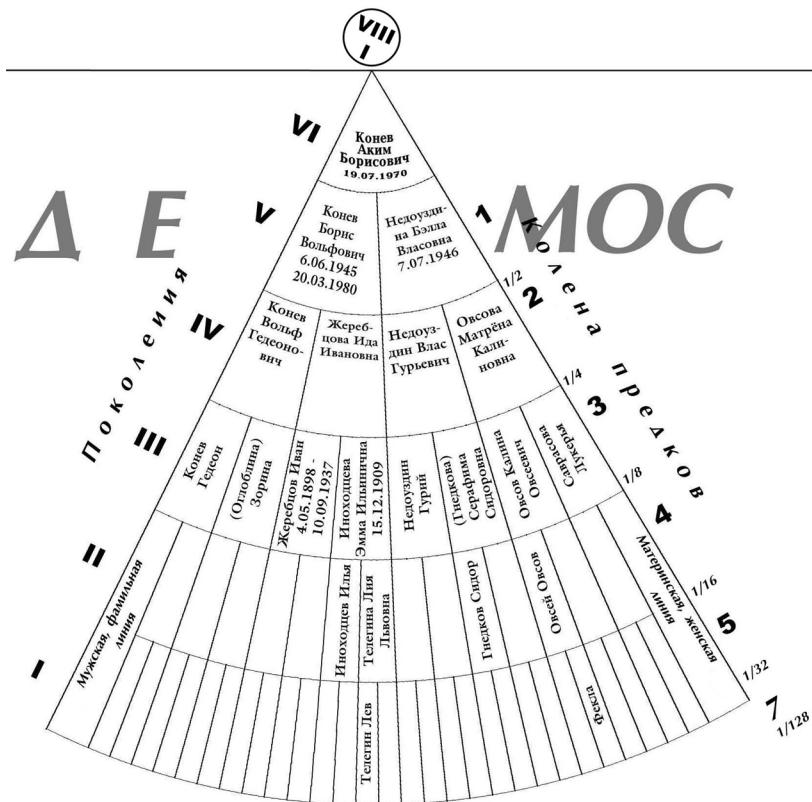

Рис. 2

человек, с которого начинается род по доступным нам документам), его потомки. Сюда же включаются супруги родственников, причастные к появлению детей. Древо — документ коллективный, отражающий всех потомков родоначальника. Найти себя в этом документе довольно непросто.

При составлении родословных древ используется тот же метод, как и при составлении генеалогического паспорта. Особо следует обратить внимание на обязательный учет девичьих (урожденных) фамилий женщин. В связи с этим я с досадой вспоминаю Веру Александровну Пыпину, сестру моей бабушки, которая собрала большой семейный архив, а вот девических фамилий своей шведской прабабушки или польской пра-

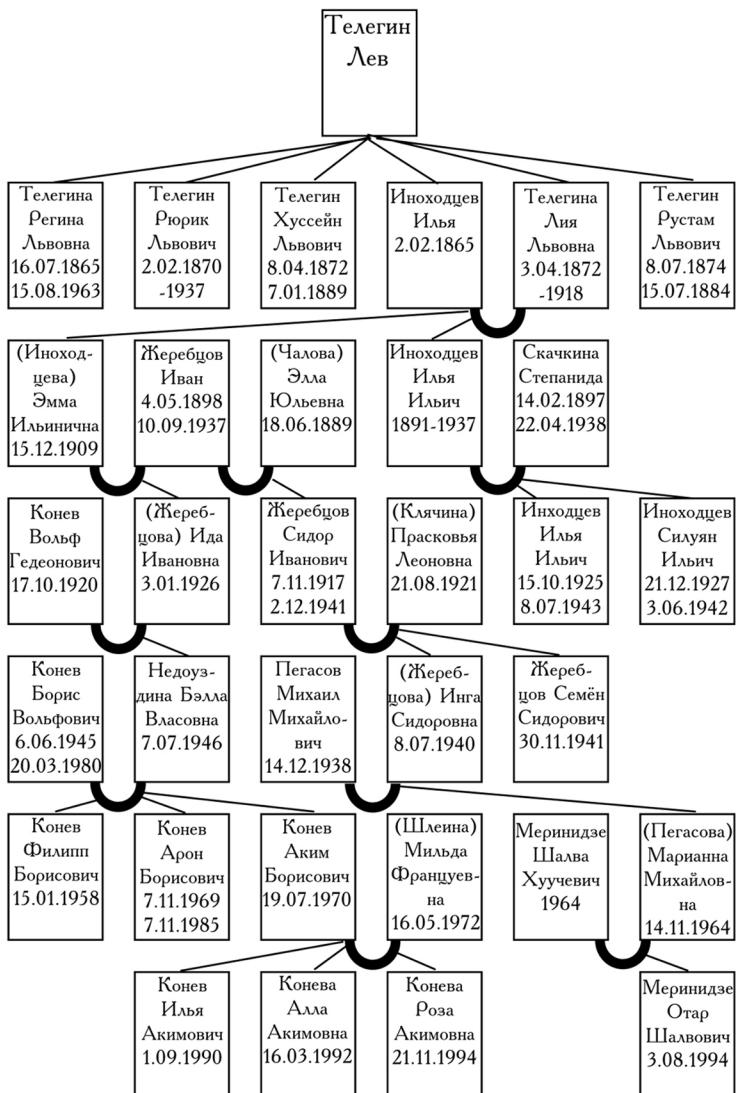

Рис. 3

бабушки не указала, хотя знала их. Она, кстати, сохранила документы на пензенских дворян Андриановых и на тамбовских дворян Подъяпольских (XVIII в.), но вот только незадача: не пояснила, кем они приходятся.

Недоступную путем общения информацию нужно искать в архивах. Это трудоемкое занятие; и потребуется приобретение навыков работы в архивах и знаний, в каких документах могут содержаться сведения о ваших родичах. Статьи об этом в последние годы систематически печатал сборник «Вестник архивиста», поэтому я не освещу методику работы с документами в архивах.

Генеалогический паспорт и родословное древо должны сопровождаться алфавитным именным указателем всех лиц, помещенных в них. Имя, отчество, фамилия, даты рождения и смерти — это лишь самая минимальная информация о человеке. А где он родился? Где рос? Чему учился? Где устроился? Чем занимался? Какой был внешне и по характеру? Чем особенен? В каких событиях участвовал? Как прошла жизнь? Сколько был здоров? Что дал людям? Все эти вопросы должны быть освещены в указателе, расширяя его до справочника или родословной книги. Книга получится, если в нее войдут очерки, воспоминания, письма, документы, фотографии, рисунки. Все это ведет к тому, что будет составлена семейная история, история рода.

Занятие генеалогией часто становится пожизненным хобби. Заводится тетрадь входящей информации, в которой фиксируются сведения, откуда и когда вы их получили. Ведется также летопись событий, переживаемых родом, учитываются даты рождения и потерь.

Генеалогические нити и ткани вплетаются в состав единой колонны истории, но взглянуть на историю через них бывает интереснее и полезнее, чем через произведения широкого общего плана. История семьи и рода — та элементарная ячейка, которая вплетается и делает неразрывной всю нашу историю.

Вспоминания о людях ушедших поколений, равно как и думы о них, настраивают мою душу, продлевают жизнь. И вспоминаются слова одного из поэтов:

И так я сжился с опытом столетий,
Что, глядя на почтенных стариков,
Невольно думается — это дети,
Я старше их на несколько веков.

ЖИЗНЬ УСАДЬБЫ ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА ИРКУТСКА

*Нина Степановна Струк,
заслуженный работник культуры РФ,
зав. отделом Иркутского областного
художественного музея*

Рождение музея — непривычное словосочетание, но музей, как любое живое существо, появляется на свет, развивается. У каждого своя судьба.

Судьба Иркутска завидна: здесь находится один из старейших музеев России — краеведческий, рожденный в 1782 году по инициативе губернатора Клички. Здесь стараниями Владимира Платоновича Сукачева в XIX веке родилась первая за Уралом картинная галерея, ставшая основой богатейшего собрания Иркутского областного художественного музея, которому в 1989 году было присвоено имя основателя галереи. В начале нового века областной художественный музей вернулся к своим корням — в усадьбу В.П. Сукачева.

Случилось так, что ни частые иркутские пожары, ни огонь революции, ни чистки города в 1950–1960-х годах, когда сносились старые дома для строительства первого после войны благоустроенного жилья, не уничтожили этот удивительный памятник. Наверное, где-то на генетическом уровне у иркутян, у городских властей жило имя В.П. Сукачева, память о его добрых делах.

В те времена мало кто задумывался над тем, что русская усадьба — это феномен национального духа, в истоках которого находится стихийная религиозность с ее уединением, творческим горением и служением Родине. В тиши русских усадеб зародились и сформировались уникальнейшие религиозные, философские, научные мысли, искусство, литература. Русская усадьба воспета в произведениях А. Пушкина, И. Гончарова, Л. Толстого, А. Чехова, Н. Гумилева.

Безусловно, огромную роль в формировании особой атмосферы в усадьбе играл парк. Садово-парковое искусство, зародившись на заре цивилизации, прошло сложный путь и к XIX веку стало самостоятельным видом искусства со своими законами, задачами, материалами и спецификой восприятия. Облик сада зависит от времени года, от времени суток, от солнца или дождя, от праздника или будней. Парк можно читать

В.П. Сукачев

Киевского университета имени святого Равноапостольного Владимира. На практике и в каникулы ему доводилось бывать во многих усадьбах: в Хотени — неподалеку от родных мест отца в Харьковской губернии, где когда-то гостили Н. Карамзин и Д. Давыдов; в Софиевке — шедевре садово-паркового искусства; в Воронъках у Волконских, знакомых по Иркутску. Но особенно воображение Сукачева потрясла Качановка, основанная в XVIII веке и принадлежавшая семье Тарновских с 1824 года. В парке волновали группы белых берез на фоне хвойных деревьев, пространства, открывавшиеся с возвышенности, но особое внимание привлекал Качановский музей с богатейшими археологическими коллекциями и собранием живописи К. Брюллова, А. Иванова, О. Кипренского, И. Айвазовского, В. Маковского... В Качановке — неповторимая атмосфера, в которой легко работалось и М. Глинке над фрагментами «Руслана и Людмилы», и Н. Гоголю, и Т. Шевченко. Гостями Качановки были Н. Ге, И. Репин, М. Врубель. Не здесь ли состоялось знакомство Сукачева с корифеями русской живописи, чьи произведения вошли позднее в состав его галереи?

С традициями усадебной культуры, отношением к природе с позиций эстетики была знакома и избранница Сукачева, Надежда Владимировна, происходившая из дворянского рода Долженковых-Любим, выросшая среди светлых просторов Украины. Молодые люди встретились в Киеве. На Украине они повенчались, здесь появились на свет два старших сына. Когда молодые супруги приехали в Иркутск и поселились в трехэтажном каменном, полученном Владимиром Платоновичем по наследству, особняке на Ме-

как книгу, слушать как музыку, рассматривать как картину.

Сибирякам очень повезло, что на пересечении шумных улиц сохранилась усадьба,строенная по всем законам XIX века.

Как случилось, что Владимир Сукачев, выросший в Иркутске, где не было частных садов, а деревья в палисадниках — редкость, разобьет почти на четырех гектарах парк и устроит дворянское гнездо? Наверное, интерес к усадебному укладу жизни, понимание роли усадьбы как особого очага культуры сформировались у нашего земляка в студенческие годы в Украине. После окончания Иркутской мужской гимназии Владимир Сукачев поступил на естественное отделение физико-математического факультета

лочном базаре, где единственным украшением были лужи, то дом показался им мрачным и неуютным. Сукачевы начали присматривать место для обустройства своего «гнезда», соответствовавшего их эстетическим взглядам.

Следует отметить, что к этому времени иркутяне, еще не оправившиеся от страшного пожара 1879 года, начали застраиваться за пределами традиционных городских границ: улица Московско-Ланинская (теперь Декабристов Событий) получила продолжение, медленно карабкаясь в гору, поросшую лесом. От кладбища стрелой уходила на восток Иерусалимская (ныне 1-я Советская), параллельно ей 2-я, 3-я... Иерусалимские, пересекаемые продолжением Русиновской (Байкальской), Саломатовской (К. Либкнехта).

Сукачевы скупили несколько участков леса с кое-где построеными дачами на отрезке улицы Иерусалимской от Ланинской до Саломатовской и в течение трех-четырех лет отстроили усадьбу в лучших традициях дворянского поместья: барский дом, флигель, где размещались прислуга и кухня, служба с конюшней, дом для гостей, оранжерея, каталальная горка, беседка, грот, погреб-кузница, хозяйственные постройки — всего 17. Среди них два здания, имевшие общественное значение: картинная галерея и школа для девочек из бедных семей. Здание галереи было двухэтажным, с установленным на крыше гербом в виде якоря, перевитого буквой «S». Здание школы крыльцом выходило на Иерусалимскую и отличалось от других усадебных построек отсутствием резного декора.

К 1880-м годам, когда возводилась усадьба Сукачевых и разбивался парк, изменилась эстетика усадебного строительства: усадьбы стали похожими на дачи, когда на первом месте стоят не блеск и показное великолепие, а поэтичность природного окружения, близкий пейзажный план приобретает большее значение. На фотографиях из семейного архива видно, как близко подходят молодые деревца к домам, ветками заглядывая в окна. С высокого обрыва открывался вид на город, вплоть до Тихвинской площади с одной стороны, а с другой стороны как на ладони лежало Рабочее предместье с белоснежными и красными храмами. Архитектура сливалась с природным окружением, отражая стремление общества возвратить русские традиции: дома у Сукачевых богато украшены резьбой.

N.B. Сукачева

Усадьба на Ленинской стала центром общественной жизни города. Здесь собирались ученые, путешественники, местные и заезжие музыканты, художники. Под эгидой хозяев, при участии их детей, устраивались музыкально-литературные концерты, которые тщательно готовились, а программы печатались в типографии. В музее хранится несколько таких программ. Гости любили слушать, как музицирует Надежда Владимировна, заслушивались хозяина, который «может сам рассказать повесть о каждой из своих картин».

Сукачевы покинули усадьбу в 1898 году, перебравшись в Санкт-Петербург, чтобы дать детям образование, но оставив в Иркутске почти все картины и сохранив за собою усадьбу. С Иркутском они поддерживали постоянную связь: Владимир Платонович — по делам общества вспомоществования сибирякам, обучавшимся в Санкт-Петербургском университете, по делам ВСОИРГО; Надежда Владимировна — по делам школы для девочек и прогимназии Хаминова, старший сын Борис — по научным интересам, связанным с изучением губок озера Байкал.

Галерея продолжала принимать посетителей не только из числа горожан, но и приезжих, в том числе и из сел. В 1904 году, например, 46 учеников боханских и готовильских школ «осматривали... картинную галерею Сукачева» (Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск, 1994. — С. 38). В 1912 году «о[бществ]о общедоступн[ых] курсов открыло выставку картинной галереи В.П. Сукачева. Посетило ее 3346 ч[еловек]» (там же. — С. 167).

В марте 1918 года усадьба была национализирована, но советская власть просуществовала до лета. В начале июля 1918 года по городу поползли слухи о том, что большевики в числе стратегических объектов будут взрывать дом Сукачева. Но слухи остались слухами: усадьба уцелела и при отступлении Красной Армии, и при возвращении ее в Иркутск в конце 1919 года.

В 1920 году картинная галерея Сукачева была передана государству: картины вывезли в здание магазина Мерецкого (ныне «Детский мир»), куда со всего города свозились произведения искусства и где был создан художественный отдел научного (ныне — краеведческого) музея. В 1936 году отдел стал самостоятельным юридическим лицом — областным художественным музеем, поменявшим несколько адресов: Халтурина, 1; К. Маркса, 23–25; Ленина, 5.

Усадьба перешла в ведение отдела народного образования: в школе продолжались занятия, о чем тепло вспоминает в своих «Записках иркутянки» почетный гражданин Иркутска Л.И. Тамм. В картинной галерее в 1920–1930 годах работала школа-коммуна «Новая жизнь». Когда страна покончила с беспризорностью, за несколько лет до войны здесь разместился дом ребенка. В 1950-х годах — детский сад. В службах были организованы пищеблок,

прачечная, часть домов отдали под жилье. По мере ветшания, при отсутствии надлежащего ухода, постройки разбирали на дрова. При строительстве памятника-танка разобрали барский дом.

Не менее грустная история происходила с парком. Часть его оставалась за детскими учреждениями, большая же была превращена в парк культуры и отдыха имени 1 Мая. Иркутяне почему-то окрестили его «Дунькиным садом». Чтобы устроить танцплощадку, установить аттракционы, безжалостно вырубили кедры, сирень. Диковинные деревья, растения, привезенные учеными из разных уголков мира, выписанные Сукачевым из ботанических садов, погибали. Во второй половине XX века парк стал Детским.

В 1954 году школа переехала в новое помещение, в ней разместились арендаторы. В 1986 году получил новое здание и детсад. Коллектив Иркутского областного художественного музея по инициативе А.Д. Фатьянова обратился в горисполком с просьбой передать галерею музею. Благодаря настойчивости директора ИОХМ Е.С. Зубрий горисполком принял в течение ряда лет несколько решений, по которым музей получил не только галерею, но и шесть сохранившихся построек, а также 3,42 га парка. Были начаты проектные и консервационно-реставрационные работы. Из-за финансовых трудностей их пришлось приостановить на несколько лет.

В феврале 1995 года президентом РФ был подписан Указ № 176, по которому усадьба В.П. Сукачева отнесена к числу памятников федерального значения.

Работы возобновились в 1998 году, после принятия постановления № 192-п губернатора Иркутской области. Генеральным проектировщиком стало ОАО «Иркутскгражданпроект», заказчиком — ОАО НПК «Три века» (генеральный директор Ю.А. Шкурапат, который в 1987 году, будучи председателем горисполкома, подписал первое решение о возрождении галереи), генподрядчиком — СКК «Контакт-регион» (В.В. Куликов).

В эти же годы Е.С. Зубрий разработала основные положения концепции развития усадьбы В.П. Сукачева, объединившей два направления: музеефикацию построек и парка и организацию детского культурного центра, который бы предоставлял «услуги детям в области духовной и материальной культуры с тем, чтобы стимулировать и способствовать познанию детьми окружающего мира; осознанию себя в нем; воздействию знаний в повседневной жизни; способствовать популяризации знаний; просвещению и развитию гуманитарного общества» (Архив ИОХМ, № 1020, с. 5).

В ноябре 2000 года реставраторы передали музею воссозданный дом для гостей. 16 мая 2001 года в нем открылась выставка «В.П. Сукачев — меценат и общественный деятель».

В трех комнатах представлены документы, мебель, личные вещи, фотографии, живописные полотна, позволяющие познакомиться с многогранной деятельностью Владимира Платоновича и рассказать о нем как о представителе старинного сибирского рода.

Выставку открывает портрет Петра Дмитриевича Трапезникова — богатейшего иркутского купца и золотопромышленника, чьи предки пришли в Сибирь с первыми землепроходцами из Вологды. Дети и родственники его играли видную роль в общественной и хозяйственной жизни Иркутска. Четвертый сын Петра Дмитриевича, Никанор, избирался городским головой и за благотворительные дела был удостоен звания почетного гражданина. Никанор Петрович — дедушка Владимира Платоновича, поскольку Аграфена Никаноровна Трапезникова в 1837 году стала женою одного из чиновников Главного управления Восточной Сибири Платона Петровича Сукачева.

На выставке — портреты Аграфены и Платона Сукачевых и их внуков. Перед посетителем иркутская семья на протяжении почти 150 лет. Среди других выделяется почитанием родителей, умением сохранить память о предках не только в семейных рассказах, но и бережно передавая из поколения в поколение рисунки, благодарственные письма, записку с признанием в любви...

При оформлении выставки в гостевом доме мы отказались от традиционного для историко-мемориальных музеев оборудования. Документы «поданы» в багете, который гармонирует с рамами картин Сукачева. Витрины закуплены дирекцией музея итальянские, из дерева, перекликающиеся с деревом потолков, полов и оконными колодами. Все это создает атмосферу временного отсутствия хозяев.

Выставкой в гостевом доме усадьбы В.П. Сукачева Иркутский областной художественный музей вторгся в культурную среду Иркутска. Главной задачей работников отдела художественного музея стало возрождение традиций русской усадьбы конца XIX века с ее высокой духовностью. В усадьбу городского головы вернулись православные праздники: Рождество, Пасха, дни ангела членов семьи — Владимира, Надежды, Бориса, Платона, Анны. Как сотню лет назад, дети расписывают яйца в Чистый четверг Страстной седмицы, а в Масленицу посетителей угождают блинами.

Своим ходом шли реставрационные работы, и в 2003 году Иркутский художественный музей получил еще одно восстановленное здание — службу с конюшней. 27 декабря в доме, украшенном резьбой, шагнувшем в наш суматошный век из русской сказки, торжественно, под духовное песнопение, открылась выставка «Современники В.П. Сукачева». Она может рассматриваться как продолжение, дополнение выставки в гостевом доме, но может быть и самостоятельным музеинным произведением. На выставке представ-

лена незначительная часть окружения Сукачевых, охватывающего все слои российского общества. На выставке портреты членов царской фамилии и ссыльные, придворные и «областники», купцы и ученые. Современником Сукачева выступает город Иркутск, запечатленный художниками в конце XIX – начале XX века. Художники были и в семье Владимира Платоновича: карандашный рисунок маменьки, акварели жены и дочери Анны, этюд невестки Марии выставлены в маленькой уютной комнате второго этажа.

Музей принимает посетителей, а реставрация продолжается: уже появилось «гульбище» в доме прислуги, ведутся инженерные обследования и проектные работы в галерее, заканчивается генеральный проект реконструкции парка.

В новом веке работы ускорились в связи с тем, что финансируются они не только из областного, но и из федерального бюджета. В 2003 году администрация города Иркутска взяла на себя обязательства по проведению дендрологических работ и ограждению парка.

Усадьба продолжает жить, она живет за В.П. Сукачева, являясь местом встреч с ним, с его эпохой, пропитанной душевностью и духовностью.

ЛИТЕРАТУРА

Бельский А. Реставрация усадьбы В.П. Сукачева // Земля Иркутская. — 2002. — № 1.

Иркутска гордость и слава. — Иркутск, 2001.

Клепикова Е. Сукачевы и их усадьба // Земля Иркутская. — 1999. — № 11.

Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. — Иркутск, 1996.

Наше наследие. — 1994. — № 29–30.

Письма Г.Н. Потанина. — Иркутск, 1989. — Т. 3.

Письма Г.Н. Потанина. — Иркутск, 1990. — Т. 4.

Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. — Иркутск, 1989.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск, 1994.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. — Иркутск, 1993.

Снытко Л.Н. Концепция и содержание выставки... // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения-1999». — Иркутск, 2002.

Струк Н.С. Современники о Владимире Платоновиче Сукачеве // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения-2002». — Иркутск, 2002.

Фатьянов А.Д. Владимир Сукачев. — Иркутск, 1990.

КОНФЕРЕНЦИИ

25–28 ноября 2002 г. Санкт-Петербург. Российская национальная библиотека (РНБ). Институт генеалогических исследований (ИГИ). Обучающий семинар «Использование генеалогической информации в краеведении». Цель семинара — помочь специалистам в области библиотечного краеведения в практическом использовании генеалогической информации в своей работе.

На семинаре заслушаны сообщения:

- И.В. Сахаров (Санкт-Петербург, директор ИГИ) «История генеалогических исследований в России и современные задачи»;
- А.В. Краско (Санкт-Петербург, зам. директора ИГИ) «Обзор российской литературы по генеалогии»;
- А.А. Шумков (Санкт-Петербург, издательство «ВИРД») «Опыт издательской деятельности в области генеалогии»;
- А.В. Краско (Санкт-Петербург, зам. директора ИГИ) «Типология печатных источников по генеалогии и опыт школы практической генеалогии»;
- Л.В. Каменская (Челябинск, областная библиотека) «Опыт работы по генеалогии и краеведению в Челябинской областной универсальной научной библиотеке»;
- С.О. Экземпляров (Санкт-Петербург, Центр компьютерных технологий) «База данных именных указателей в Интернете»;
- Д.А. Михайлов (Санкт-Петербург) «Опыт работы по семейной генеалогии»;
- М.В. Борисенко (Курган) «Крестьяне Западной Сибири»;
- Н.Н. Фарутина (Вологда, областная библиотека) «Опыт работы по краеведению в Вологодской областной универсальной научной библиотеке им. И.В. Бабушкина»;
- И.А. Гильфанова (Екатеринбург, областная библиотека) «Опыт работы по генеалогии и краеведению в Екатеринбурге»;
- С.А. Гурулёв (Иркутск, общество «Родословие») «Опыт организации генеалогического общества в Иркутске»;
- М.Д. Афанасьев (Москва, публичная историческая библио-

тека) «Наш опыт в области организации библиотечной работы по генеалогии»;

— О.В. Щербачев (Москва, общество «Дворянское собрание») «Современное состояние общества «Дворянское собрание» и задачи на будущее».

Одним из решений семинара явилось создание при РНБ рабочей группы «Генеалогия в краеведении», в состав которой вошли все областные библиотеки, участвовавшие в семинаре. Было решено провести следующий семинар в 2003 году в городе Вологде.

29–30 ноября 2002 г. Санкт-Петербург. Шестые Петербургские генеалогические чтения. Тема чтений — «Галерея отечественных генеалогов».

Конференцию приветствовал заместитель директора Российской национальной библиотеки А.И. Алексеев.

С общим докладом выступил директор Института генеалогических исследований И.В. Сахаров (Санкт-Петербург) «Память их в род и род»: задачи составления биобиографического словаря отечественных генеалогов».

Заслушаны следующие доклады:

— И.Н. Ермолаев (Псков) «Князь Петр Владимирович Долgorуков (1816–1865)»;

— С.В. Думин (Москва) «Граф Северин Каэтанович Урусский (1817–1890)»;

— В.В. Чижова (Тверь) «Михаил Петрович Чернявский (1822–1872)»;

— И.В. Сахаров (Санкт-Петербург) «Барон Михаил Львович Боде-Колычев (1824–1888)»;

— Н.В. Благово (Санкт-Петербург) «Дмитрий Дмитриевич Благово, в монашестве Пимен (1827–1897)»;

— А.Н. Патракова (Санкт-Петербург) «Василий Николаевич Хитрово (1834–1903)»;

— А.В. Краско (Санкт-Петербург) «Александр Платонович Барсуков (1839–1914)»;

— Е.И. Краснова (Санкт-Петербург) «Платон Александрович (1840–1892) и Павел Александрович (1869–1935) Демидовы»;

— А.А. Бовкало (Санкт-Петербург) «Адам Бонецкий (1842–1909)»;

— О.В. Щербачев (Москва) «Юрий Николаевич Щербачев (1853–1917)»;

- М.Д. Афанасьев (Москва) «Дмитрий Николаевич Афанасьев (1907–1991)»;
- О.В. Щербачев (Москва), С.И. Миронович (Калуга) «Генриетта Михайловна Морозова (1930–1992)»;
- М.Ю. Медведев (Санкт-Петербург) «Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1946)»;
- В.Н. Рыхляков (Санкт-Петербург) «К вопросу о подготовке библиографических справочников отечественных генеалогов»;
- А.С. Дубин (Санкт-Петербург) «Василий Владимирович (Витольд Владиславович) Руммель (1855–1902)»;
- В.Е. Кельнер (Санкт-Петербург) «Давид Гиларионович (Гилелевич) Магgid (1862–1942)»;
- И.Н. Извеков (Великий Новгород) «Иван Васильевич Аничков (1863–1921)»;
- И.В. Савицкий (Петрозаводск) «Сергей Николаевич Казнаков (1863–1930)»;
- С.В. Думин (Москва) «Леонид Михайлович Савёлов (1868–1947)»;
- Л.И. Сизинцева (Кострома) «Николай Николаевич Виноградов (1874–1938)»;
- Д.М. Шаховской (Париж) «Николай Флегонтович Иконников (1885–1970)»;
- Ю.Н. Полянская (Санкт-Петербург) «Илья Михайлович Карташцов (1895–1971)»;
- П.А. Свищев (Курган) «Михаил Павлович Бирюков (1902–1989)»;
- Н.А. Воронцова-Вельяминова (Москва) «Борис Александрович Воронцов-Вельяминов (1904–1994)»;
- С.А. Сапожников (Москва) «Алексей Львович Сапожников (1906–1989)»;
- И.В. Сахаров (Санкт-Петербург) «Эрик Николаевич Амбургер (1907–2001)»;
- И.А. Осницкая (Ольдерогге) (Санкт-Петербург) «Георгий Борисович Ольдерогге (1921–1999)».

«ГОРДИТЬСЯ СЛАВОЮ СВОИХ ПРЕДКОВ...»

*Лидия Афанасьевна Казанцева,
главный библиограф Иркутской
областной научной библиотеки
им. И.И. Молчанова-Сибирского,
член общества «Родословие»,
г. Иркутск*

Одним из ведущих современных специалистов в России и за рубежом по русской генеалогии является М.Е. Бычкова, доктор исторических наук, автор нескольких книг. Одна из них — **«Что значит именно родные»** (М., 2000). Целью этой книги автор поставила показать место генеалогии в жизни общества, в его сознании; доказать через призму истории создание родословных документов начиная с первых известных записей в русских летописях и через роль таких документов в формировании научных исторических знаний в России. Читатель увидит не только какие документы и когда составляли русские генеалоги, но и какие требования предъявлялись к данным документам в разные эпохи, и поймет, как они используются в современной исторической науке, с какими вопросами обращается к ним историк, какие методы применяют при работе с этими источниками. Книга знакомит с именами генеалогов, стоявших у истоков русской научной генеалогии в конце XIX – начале XX века. Это Леонид Михайлович Савёлов и Николай Петрович Лихачев. Л.М. Савёлов опубликовал первый библиографический указатель по генеалогии (1893). Одна из лекций по русской генеалогии Л.М. Савёлова опубликована в журнале «Родина» (1991. — № 3). Под его редакцией в начале XX века Московское историко-родословное общество издавало **«Летописи историко-родословного общества»**. В книге есть глава «Как записать историю семьи». Приводятся таблицы нисходящего и восходящего родства, составления росписей, досье, а также характеризуются некоторые законы генеалогии. М.Е. Бычковой же издан труд **«Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник»** (М., 1975). В нем рассмотрены

теория и методика генеалогических исследований, источники генеалогии, приведены таблицы нисходящего и восходящего рода некоторых зарубежных династий. Что особенно ценно — даны списки родословных книг с указанием места их хранения. Завершает работу указатель имен.

Наиболее разработаны в литературе генеалогии знатных людей: князей, царей, императоров и пр. **«Все монархи мира»** — так и называется энциклопедия, изданная в России (М., 1999), где помещены 600 кратких жизнеописаний великих и удельных князей, царей и императоров от полулегендарного князя Кия до Николая II и вообще всех удельных князей, упомянутых в летописях или родословных. Прилагается хронологическая роспись княжений по волостям. В этом ряду можно назвать книгу Е.В. Пчелова **«Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в.»** (М., 2001). Здесь внимание автора сосредоточено на проблеме генеалогии и биографиях древнерусских князей, представителей первых пяти поколений династии Рюриковичей.

В 1991 году вышло репринтное двухтомное издание **«История родов русского дворянства»**, составленное П.Н. Петровым и впервые изданное в Санкт-Петербурге в 1886 году.

«Дворянские роды Российской империи» (СПб., 1993) — десятитомное издание, посвященное княжеским родам. В издании представлены наиболее известные дворянские роды, внесенные в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», издававшийся с 1797 по 1917 год, а также и те дворянские роды, которые не имели утвержденных гербов и не были внесены в упомянутый «Гербовник», но служили в Российской империи, то есть в период между 1721 и 1917 годами. Приведены история рода, изображение герба, его описание, фрагменты родословного древа, портреты и биографии наиболее известных представителей рода.

Исторические лица, российские и зарубежные, широко представлены в 12-томном **«Историческом лексиконе»**. Это справочник, представляющий имена по периодам истории: том 1 — Древний Восток, том 2 — Древняя Греция...; тома 9–10 — XIX век, тома 11–12 — XX век. Каждый том сопровождается указателем имен. **«Всемирной историей»** назвал словарь для школьников Р.К. Баландин (М., 2000). В нем собрано 500 биографий людей, оставивших след в истории со времен древности до И. Павлова, С. Есенина и Ю. Гагарина.

М.Н. Барышников подготовил и издал книгу «**Деловой мир России**» (СПб., 1998). Это историко-биографический справочник, охватывающий период с XVII века по 1917 год. В нем представлены лица, занимавшиеся предпринимательской деятельностью, включены выходцы из самых разных групп населения: купцы, дворяне, мещане, казаки, крестьяне и пр. Материал расположен в алфавитном порядке, посвящен истории становления и деятельности известных купеческих династий, а также обществ, банков, ярмарок, политических союзов и пр.

«Сибирякам — купцам минувших лет, работавшим во благо отечества, и их достойным продолжателям — предпринимателям сегодняшних дней посвящается» многотомное издание **«Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири»** (Новосибирск, 1994–1999). Издание состоит из четырех томов в десяти книгах. Подготовлено большим коллективом сибирских историков под редакцией Д.Я. Резуна и Д.М. Терешкова. При подготовке использованы опубликованные и неопубликованные источники, фонды архивов, в том числе иркутских. Как отмечается в предисловии, внешняя сторона истории Сибири неплохо изучена, смена царей и восстания, реформы властей, строительство железных дорог, заводов и фабрик. Но как развивалась торговля на сибирских просторах, кто, какие личности были ее движителями, создававшими торговые дома и фирмы, доставлявшими товары в самые отдаленные уголки Сибири? Авторский коллектив поставил задачу — познакомить современных предпринимателей с историческим опытом, изменить негативное отношение к предпринимателям. Их история до сих пор не изучена. Поэтому издатели предприняли попытку хоть что-то узнать о купеческих династиях, их предках. В каждой книге в алфавитном порядке приведены сведения о важнейших торговых центрах, ярмарках, банках, коммерческих фирмах, купеческих фамилиях. При написании использованы опубликованные и архивные материалы: ревизские сказки, городовые обызвательские и метрические книги, ведомости о капиталах и собственности сибирских купцов, дела налоговых инспекций, статистические данные, материалы судопроизводства по купеческим делам, личные бумаги купцов и др. Использованы архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Костромы, сибирских городов Тобольска, Барнаула, Томска, Омска, Красноярска, Иркутска и др. Авторы издания поставили цель — собрать воедино имеющиеся и выявить новые сведения о купечестве и торговле, дать объективный образ сибирского купца XVII – на-

чала XX века, выявить максимально возможное число купеческих фамилий. В энциклопедии 3832 заметки и статьи, в том числе о купцах 3626. Широко представлено иркутское купечество: Сибиряковы — 19 имен, Трапезниковых — 29, Кузнецовых — 5, Пономаревы — 4 и т. д. К сожалению, книги изданы малым тиражом — от 200 до 300 экземпляров. Авторы предполагают выпустить второе издание, дополнив и расширив его, с качественными иллюстрациями и большим тиражом.

Для сибиряков, исследующих родословные, представляют интерес книги: «**Иркутск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий**» (М., 1883) и «**Первое столетие Иркутска**» (СПб., 1902). Первая содержит ценную информацию о развитии города в первое столетие. В ней опубликованы документы, извлеченные из Московского архива Министерства юстиции. Для темы нашего обзора особый интерес представляют писцовые и переписные книги, книги ревизий. В них находится большой перечень жителей города Иркутска: посадских, крестьян, казаков, хлебопашцев и живущих в поселениях вокруг города основателей этих поселений, выходцев из Сольвычегодска, Великого Устюга, Пскова, Москвы, Нижнего Новгорода и других местностей. Книга давно стала библиографической редкостью. Издана она всего в 120 экземплярах. Тем большую ценность она представляет. Другая книга, «Первое столетие Иркутска», издана В.П. Сукачевым к 250-летию города. В нее вошла часть документов из первой книги и ряд новых. Всего в ней опубликовано 33 документа 1684–1735 годов: описи, переписные книги, различные фискально-хозяйственные акты. Ряд документов отражают состав населения Иркутска во второй половине XVII и начале XVIII века с именами первых посадских людей Иркутского острога, а также других людей, находившихся в городе: пашенных, торговых и пр.

Существует Совет потомков участников Отечественной войны 1812 года, который создает картотеку персоналий и Генеалогический фонд семей участников первой Отечественной войны. Среди участников войны были сибиряки, иркутяне в частности. Поэтому информация С. Сапожникова «**Память славных фамилий**» (Родина. — 1991. — № 4) будет интересна для занимающихся родословием.

Если генеалогии знаменитых людей, дворянства, купцов и предпринимателей уделяется большое внимание, то родос-

ловные самого многочисленного социального слоя России — крестьянства — встречаются крайне редко. А крестьянство — это тот слой, который постоянно выдвигал из своей среды пополнение в другие социальные группы. Деятели культуры, видные военачальники, конструкторы, руководители промышленности часто выходцы из «простых» людей. Стали появляться публикации о родословных крестьян. Вот сборник из этой серии: **«Уральская родословная: Крестьянские фамилии»** (Екатеринбург, 2000). Книга подготовлена в рамках программы «Уральская генеалогия» Уральского историко-родословного общества. Это сборник статей как ученых, так и генеалогов-любителей, раскрывающий историю отдельных крестьянских родов Урала. Теме генеалогии крестьянства посвящена и монография М.В. Тарасова-Борисенко **«Ареал генеалогии русских крестьян: проблемы и опыт микропресследований по материалам Тобольского и Тарского уездов конца XVI – начала XX веков»** (СПб., 2001). Автор книги — сибиряк. Окончил Тюменский университет, является действительным членом генеалогического общества. Монография посвящена анализу и обобщению не разработанных в исторической науке и практике вопросов воссоздания крестьянских родословий. В центре внимания автора — выявление круга многообразных источников, содействующих генеалогической информации, определение специфики и интерпретации их данных. На основе обширного фактического материала по истории отдельных родов крестьян Сибири показана взаимосвязь семейно-родственного и уровня социально-демографического состояния территории Тобольской губернии. Исследование определило пути для последовательной реконструкции родословной истории сельского населения России. Приведены сводные таблицы по отдельным родам с росписью некоторых родов.

«**Воспоминания о предках**» Д. Михайлова (Великий Новгород, 2002) — это труд целой жизни. Автор, ученый-геолог, 30 лет совмещал основную работу с поиском материалов о своих замечательных родственниках, каждый из которых был личностью, гордостью России. По крупицам он собрал материалы, из которых сложилась книга. Это еще один интереснейший опыт генеалогических разысканий.

В Иркутске вышла из печати **«Живая история семей и родов иркутской еврейской диаспоры»** (2002. — Вып. 1). В пер-

вый сборник включены интервью-воспоминания О.М. Сосны, К.С. Белинского, В.Ю. Гершевича об истории их семей и родов второй половины XIX–XX века. Эти воспоминания дают представление о значении семейно-родственных связей и роли семьи в формировании личности у евреев Восточной Сибири в условиях различных политических режимов. Живая история семей и родов иркутской еврейской диаспоры — это проект Еврейского культурного центра Иркутской области. Одна из главных его целей — восстановить историю семей и родов на основе опроса старых и пожилых людей.

Так как же установить свою родословную? Кто были ваши предки? Оказывается, узнать это не очень сложно. Чтобы облегчить такую работу, приведем три статьи, в которых практически показано, как это надо делать: Бычкова М. **Как собрать досье для составления родословия семьи** // Родина. — 1991. — № 5; Седых М.В. **Род, или как самому составить родословное древо** // Семья. — 1991. — № 21; Мартыненко Е.И. **Каждой семье — свою родословную** // Отечество. — 2002. — № 1. М. Бычкова рассказывает о законах генеалогии, об унифицированной системе знаков, своеобразном языке генеалогии; показывает, как составлять древо рода, как делаются родословные росписи, приводит таблицы восходящего и нисходящего родства, рассказывает о законах генеалогии, приводит таблицы соотношения теоретического и реального числа предков. М.В. Седых, инженер по образованию, составил свою родословную и достиг поразительных результатов: он установил около 1000 имен своего родословного древа и о каждом собрал какие-либо сведения. Предки его были земледельцы, хлеборобы, крестьяне. Все были неграмотные. Михаил Васильевич в статье рассказывает, как ему удалось проделать такую работу, какими источниками он пользовался, доведя свою родословную вглубь до 1700 года. Приведена схема древа семьи М.В. Седых. Е.И. Мартыненко предлагает свою методику составления родословного древа и показывает это на примере составления родословной русского писателя А.П. Чехова.

Но, пожалуй, самым полезным пособием в этом ряду является книга А.Н. Онучина «**Твое родословное древо**» (Пермь, 1992). Это практическое пособие по составлению родословной. Ее автор, преподаватель Школы генеалога-любителя, пытается дать ответы на вопросы, рождающиеся в ходе самостоятельного изучения своей родословной: с чего начать составление родословной; как составить родословное древо; о чем расспра-

шивать родственников; как получить допуск для работы с архивными документами и как с ними работать; какие документы сохранились по истории крестьянства, городских сословий; как хранить собранные материалы; как найти родственников за рубежом (даны полезные адреса, адреса по странам).

При установлении родословных немаловажное значение имеет история происхождения фамилий. В книге В.А. Никонова «**География фамилий**» (М., 1988) прослеживается история появления фамилий в разных странах. Какова история происхождения фамилий? Какие фамилии наиболее распространены? В каких районах чаще встречаются фамилии Иванов, Кузнецов, Попов, Смирнов? На эти и другие вопросы отвечает данная книга. Каждая фамилия — загадка, и разгадать ее не просто. Этому помогут книги: Ведина Т.Ф. **Словарь фамилий** (М., 1999); Никонов В.А. **Словарь русских фамилий** (М., 1993); Федосюк Ю. **Русские фамилии** (М., 1996). Даже те фамилии, которые кажутся простыми и понятными, зачастую таят в себе загадки и неожиданности. На страницах «**Словаря современных фамилий**» И.М. Ганжиной (М., 2001) можно найти интересные сведения о происхождении и значении более чем 8 тысяч современных русских фамилий. Около 10 тысяч фамилий включено и объяснено в «**Энциклопедии русских фамилий**» (М., 2000). В ней приведен список 100 наиболее распространенных фамилий. В каждой из перечисленных книг даны алфавитные указатели фамилий, которые помогут легче сориентироваться в поисках расшифровки именно своей фамилии или той, которая вас интересует.

В заключение хотелось бы назвать периодическое издание, журнал творческого объединения Русского генеалогического общества «**Генеалогический вестник**», издающийся с 2001 года. Это единственное в России периодическое генеалогическое издание, в котором можно найти информацию о важнейших событиях генеалогической жизни и где публикуются статьи и материалы авторов со всех концов страны.

Человека, занимающегося своей родословной, ждут удивительные открытия. Новые имена, фамилии, даты, факты — все это необычайно увлекательно. Надеемся, что рассказ о генеалогической литературе и ее использование помогут преодолеть трудности, подстерегающие на этом пути.

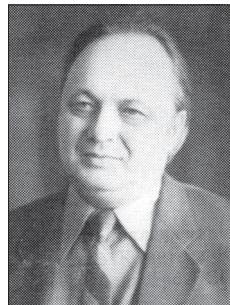
Обзор составлен на основе фондов библиотек города Иркутска.

СКАЗ ПРО ВАНЮ ПОПА И ЕГО РОДОВУ

Родословная поэма*

Анатолий Преловский,
поэт, академик, вице-президент
Академии поэзии,
г. Москва

1

Ваня Поп устал крестить и соборовать
и на Волге с Ермаком стал озоровать.

Астрахан они пожгли, размели Дербен¹.
Тут-то все их корабли взяли в царский плen.

И куда теперь бежать? — только на Иргиз,
вверх по Каме лодки гнать, путь забыв на низ.

А потом в Сибирь — во тьму дебрей и судьбы.
Нет названия тому, нет на то судьи.

Славно бился Ваня Поп, лихо брагу пил,
с чернокосой татарвой пошалить любил.

Не попавши на Вагай, где погиб Ермак,
Ваня Поп его отпел, даром что казак.

И с ватажкою живых по Оби попер
вновь за Камень² — и осел возле Холмогор.

Нарожал детей сперва, дом срубил потом, —
так и помер Ваня Поп, мало быв попом.

* Публикуется впервые.

¹ Дербен — нынешний Дербент (здесь и далее — примечания автора).

² Камень (Каменный Пояс) — старорусское название Урала.

Но осталась от него песнь о Ермаке,
что мычал он иногда во хмелю, в тоске.

В песне на старинный лад говорилось, как
вывел струги на Иртыш и погиб Ермак.

Сколок этой песни жил триста лет в роду.
От былины три строки чудом я найду...

2

Внук расстрижника Федот³ из-под Холмогор
мангазейским⁴ ходом шел постигать простор.

На туземке ожениясь, он собрал в свой срок
в устье мерзлой Колымы городок-острог.

Жил бы — расширял страну до предвечных льдов,
да, как коршун, налетел на него Дежнёв.

Царской грамотой грозя, ушлый временщик
за Чуюкоцкий Нос⁵ повлек всех зимующих.

Разобрали тот острог, кочи сбив из плах.
Лишь на следующий год им удалось сплав.

За Чуюкоцким Носом вдруг облегла метель:
коч один утоп, а два бросило на мель.

Но едва на твердь ступил сомуститель сам,
так и побежал в Якутск — докладать властям.

Там Стадухин-рукосуй⁶ встретил ушлеца
и оттырил — был синяк чуть не в пол-лица.

³ Федот (Алексеев сын Попов по прозванию Холмогорец, год рождения не известен — умер в 1648 году) — торговый промышленник, основатель Нижне-Колымского острога, это на его судах-кочах Дежнёв отплыл на восток к Чукотке.

⁴ Мангазейский ход — перевалка по северным рекам Западной Сибири от устья Оби на Енисей через Мангазею — крупнейший северный торговый центр того времени.

⁵ Чуюкоцкий Нос — самая восточная оконечность Чукотки, теперь мыс Дежнёва.

⁶ Стадухин (Михаил Васильевич, казачий атаман, год рождения не известен — погиб в 1666 году) — выдающийся землепроходец, обстроивший и обживший многие реки и края северо-востока Сибири, был ревнителем казачьей чести и обычая.

Бил Дежнёва он за то, что Попова сдал,
что прислужником царю добровольно стал.

Что мечту о воле он — светоч и зарю —
вместе с новою землей запродал царю.

А Дежнёв, едва стерев с морды кровь и пот,
жалостно писал царю, мол, Стадухин бьет.

Мол, «Семейку обижать» каждый норовит,
но, по правде, умолчал, был за что он бит.

Был, как вез ясак в Москву, вроде казаком,
а в Приказ Сибирский сев, стал он писарьком.

Там и спился, говорят, в блуд ушел, в распыйл...
А кто знал, какое он дело загубил?

3

Что же ты, Федот Попов, Холмогорец мой?
Что вело тебя на бой с ледовитой тьмой?

Крашенинников⁷ тебе позже честь воздал,
и кочевщика добром Пушкин⁸ поминал.

А в «Истории» своей не жалел Словцов⁹
пассажири твоему ядовитых слов.

⁷ Крашенинников (Степан Петрович /1711–1755/) — сообщал в «Описании земли Камчатки» (1756): «Но кто первой из российских людей был на Камчатке... приписывается некоему торговому человеку Федоту Алексееву...»

⁸ Пушкин — в выписках из книги С. Крашенинникова Александр Сергеевич пометил для себя: «Федот-кочевщик» — как тему, к которой собирался вернуться специально.

⁹ Словцов (Петр Андреевич /1767–1843/, священник, сподвижник М. Сперанского, крупнейший сибирский историк того времени) — в своем «Историческом обозрении Сибири» (издание 1886 года) писал: «Колмогорец Алексеев, а не Дежнёв, которого с казаками надобно считать пассажирами, был начальником судов, плыв 90 дней и доплыv до Чукот. мыса...» И далее: «....не видим ничего удивительного, чтобы, без самообличения в народном самолюбии осмелиться считать казака в Америко-Азиjsком проливе предтечю мореходца, которому морская история там завещала неоспоримое бессмертие имени». Похоже, что Словцов своим авторитетом затвердил ошибку академика Г. Миллера, который ранее в своей «Истории Сибири» принял отчество Федота Попова за его фамилию.

Что же, ты, Федот Попов, не напрасно жил,
если, защищая кров, голову сложил.

Если Иванов Курбат¹⁰ перед смертью смог
на Анадыре твоем довозвесть острог.

Разбрелась твоя детва по Сибири всей –
от Амура к Ангаре, по-за Енисей.

Лишь совсем немногих смог обнаружить я
в смене власти и эпох, в смуте бытия.

Род Поповых миру дал добрых казаков –
приискателей земель, пахарей, стрелков.

Там найдется зверолов¹¹, певчий¹², богомаз¹³.
И несчетно там попов всех сибирских рас.

А особенно один ленский старожил,
что Америке крестом славно послужил.

Тот митрополит¹⁴, что смог Север заселить
и у Бога все грехи рода замолить.

¹⁰ Иванов (Курбат Афанасьевич, родился в начале XVII века — умер после 1667 года) — сын боярский, исследователь и первый картограф окраин Восточной Сибири, Байкала, Лены и Чукотки.

¹¹ Зверолов (Попов Владимир Федорович /1870-е годы – 1922/, казачий пятидесятник, мой дед по матери) — был тигровом и жил в городке Камень-Рыболов в Приморье, затем до гибели во время «пепеляевщины» служил таможенником в Якутске.

¹² Певчий (Попов Дмитриан Дмитриевич, год рождения не известен — умер в 1896 году, священник-миссионер, из поколения прадедов моих по весьма отдаленной материнской линии) — по родовым преданиям, отличался удивительной красоты и силы голосом.

¹³ Богомаз (Попов Иван Васильевич /1874–1945/ из поколения дедов моих по дальнему родству) — искусный рисовальщик, этнограф и педагог, народный художник Якутии.

¹⁴ Митрополит (святитель Иннокентий Вениаминов /1797–1879/, в миру Иван Евсеевич Попов, степень родства не установлена, но, по семейным преданиям, дальний родственник якутских казаков Поповых) — миссионер на Аляске, затем епископ Камчатский и Аляскинский, митрополит Московский. Самый знаменитый изо всех сибирских Поповых, литература о нем неисчислимая.

Добрый материнский род и меня пригрел:
обучил тому, что знал, дал мне, что имел.

И не эту ль жажду жить — кровный пыл труда,
с чем он у сибирских рекставил города?

4

Нет названия тому, нет на то судьи,
если жил — как будто шел по тропе судьбы.

Частокола и рядов не сберег Якутск —
там, где прежде был острог, нынче камень пуст.

В башнях, где играли мы, дерзкие юнцы,
может быть, Федот Попов поновлял венцы?

С Колымы в Новосибирск вертолет пронес
церковь, где кочевников согревал Христос.

Для часовни, чьи углы иней обгрызal,
может быть, какой Попов маковку тесал?

Там, где плуга и тесла вижу торжество, —
всюду чувствуется след предка моего.

След казаческой гоньбы за своей мечтой —
жить за пазухой судьбы в вольности святой.

И нет-нет в душе взбрькнет пращурова прыть
tot же мангазейский ход переповторить.

Жаром сердца растопить вековечный снег:
может, блага раздобыть — для себя, для всех?

Может, и продолжить путь в даль и на восход:
в гонку за мечтой увлечь молодой народ?

И державе, кроме нас, надо полагать,
больше некого гнобить, не на чем стоять.

Москва, 2001 г.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О СЕМЬЕ, РОДНЕ, РОДЕ, ПЛЕМЕНИ*

Русский человек без родни не живет.
 Зевок пополам — быть в родне (с тем, с кем зевнулось).
 Десятая вода на киселе. Сёмая водина на квасине.
 Кумовство да свойство — ближнее родство.
 Близняя родня: на одном солнышке онучи сушили.
 Есть родня, есть и возня. С родней не без хлопот.
 Родных много, а пообедать не у кого.
 И сват свату друг — да не вдруг.
 Кума да кум наставят на ум.
 Четыре двора, а в каждом дворе кум да кума.
 Кума с возу, куму легче.
 Что знает кум, знает и кумова жена, а по ней и вся деревня.
 Свекровь на печи, что собака на цепи.
 У лихой свекрови и сзади глаза.
 Нет нужды невестке, что деверь не ел: хоть ешь, хоть сохни, хоть так
 издохни.
 В лесу медведь, а в дому мачеха.
 Подрались дедушка с бабушкой, и семеро внуков не разберут по что.
 Сиротинушка наш дедушка: ни отца, ни матери.
 Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую.
 Сын отца глупее — жалость; сын отца умнее — радость; а брат брата
 умнее — зависть.
 Брат — брат, сват — сват, а денежки не родня.
 Два брата на медведя, два свата — кисель.
 Одно дитя роженое (дочь), другое суженое (зять).
 Думала теща, пятерым не съесть; а зять-то сел, да за присест и съел.
 Был у тещи, да рад утекши.
 Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени.
 Тесь за зята давал рубль, а после давал и полтора, чтоб свели со
 двора.
 Две матери, две дочери да бабушка с внучкой, а их всего трое (мать,
 дочь и внучка).
 Шли теща с зятем, муж с женой, бабка с внучкой, мать с дочкой да
 дочь с отцом (всего четверо).
 У меня молодца четыре отца, пятый батюшка (бог, царь, духовник,
 крестный, родитель).
 Сын отца моего, а мне не брат (я сам).
 Шуринов племянник как зятю родня? (Сын.)
 Здравствуйте, братцы, жены моей дети; скажите вашему отцу и мо-

* Публикуются по книге: Даль В.И. Пословицы русского народа. — М., 1999.

ему отцу, что жены его муж приехал (отец женился на невестке, а без вести пропавший сын воротился).

Сын — дед самому себе (сорокалетняя женщина вышла за двадцатилетнего мужчину, отец которого женился на дочери первой: рожденный от первой четы сын — дед самому себе).

Хвалился лошак родом-племенем.

И по рылу знать, что не из простых свиней.

Вчера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал.

Из грязи, да посажен в князи.

Городское телятко умнее деревенского дитятки.

Не хвались родительми, хвались добродетельми.

От доброго кореня добрая и отрасль.

От худого семени не жди доброго племени.

Злое семя крапива: не сваришь из него пива.

От худой курицы худые яйца.

Каков род, таков и приплод.

Каков уродился, таков и пригодился.

Каков в колыбельку, таков и в могилку.

Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь.

Какое дерево, таков и клин; каков батька, таков и сын.

Где живешь, кулик? — На болоте. — Иди к нам в поле! — Там сухо.

Волчья шкура и в городе воет.

От терновника не жди винограду.

Сын в отца, отец во пса, а все в бешеную собаку.

Бел лицом, да худ отцом.

Сколь ни мой гагару, все черна.

Черного кобеля не вымоешь добела.

Как ни бодрись ворона, а до сокола далеко.

Просился волк в пастухи, а свинья в огородники.

Бывает свинка золотая щетинка, да в сказках.

Волк не гол, есть на нем шуба, да пришита.

Наряди свинью в серьги, а она в навоз.

Собака и в собольей шубе блох ищет.

Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет.

Дурак не дурак, а с роду так.

И такой родится, что ни дома, ни в людях не годится.

От одной матки, да не одни ребятики.

Один брат сыр и крепок, другой брат жидок и редок.

Если за шкурой ума нет, так к шкуре не пришьешь.

И от доброго отца родится бешена овца.

В хлебе не без ухвостья, а в семье не без урода.

ОТГАДКИ НА ЯКУТСКИЕ ЗАГАДКИ ИЗ № 4 (16), 2002:

1. Человеческое имя. 2. Восход и закат солнца. 3. Пни со снегом. 4. Письмо, ветер, течение воды. 5. Дупло. 6. О пище. 7. Меховой ошейник из беличьих хвостов. 8. Зубы и язык. 9. Нос. 10. Брови. 11. Печка. 12. Солнце. 13. Гром. 14. Искры. 15. Наковалня и молот. 16. Коновязь.